

18+

Бондарева Виктория



# УЧЕНИЕ - ТЪМА

Ангел спуститя с небес...

Бондарева Виктория

**Учение – тьма. Ангел  
спустится с небес...**

«Издательские решения»

## **Виктория Б.**

Учение – тьма. Ангел спустится с небес... / Б. Виктория —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598124-0

«Учение — Тьма» — это повесть о том, как человек без амбиций, ведомый желанием выжить, может стать пешкой в игре богов. Герой ошибается, страдает, радуется и размышляет. Он впервые живёт, попав из знакомой Москвы в чуждый мир. Альберт не просто взрослеет, он меняется. Длинный путь от белой вороны к пешке, дошедшей до края доски и ставшей ферзём — об этом рассказывает книга. Присутствуют сцены насилия и сцены сексуального характера.

ISBN 978-5-00-598124-0

© Виктория Б.  
© Издательские решения

## Содержание

Часть первая. Музыка	6
Часть вторая. Мастер	10
Часть третья. Ожидание	15
Часть четвертая. Sacramentum	20
Часть пятая. Учение – Тьма	25
Часть шестая. Тайна Башни	30
Часть седьмая. Легенда	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# **Учение – тьма Ангел спустится с небес...**

**Бондарева Виктория**

© Бондарева Виктория, 2023

ISBN 978-5-0059-8124-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть первая. Музыка

*«Я шёл мимо брошенных домов,  
Перевёрнутых машин и горящих крышишек,  
И неожиданно услышал голос:  
Сын мой, пора увидеть, сын мой, тебя в деле.  
Сын мой, бей витрину, сын мой, хватай телек...»*

Музыка любимой группы билась в наушниках, заставляя меня улыбаться. «Anaconday» всегда отлично ловили моё настроение. Октябрь, а уже холодно. Жёлтые листья ломаются под туфлей с противным скрежетом – словно тонкие стеклянные игрушки.

Не люблю осень, она приносит только пытку в виде начала учебного года.

Не перевариваю сокурсников, как и они меня. Хотя меня не переносят на дух все в этом огромном здании, заполненном людьми. Даже преподаватели смотрят на меня, как на белую ворону.

Ирония.

Альбинос – белая ворона для общества во всех смыслах. Белый человек в чёрном пальто. Я похож на траурный памятник морали и терпимости. Потому покидаю университет последним – чтобы в человеческом месиве не стать идеальной мишенью, в которую полетят камни сдерживаемых на занятиях эмоций.

Темнеет гораздо раньше, чем летом, но недостаток света меня не тревожит. С солнцем у нас отношения натянутые, всему виной врождённый дефект. Кожа, не защищённая меланином, сгорает почти мгновенно. Жёлтый лик – враг, я согласен с Голлумом. Солнце показывает моё генетическое родство явно, моё отличие. Зато в темноте все кошки серы. И альбиносы тоже.

Завернув за угол махины университета, я не сразу понял, что надвигается опасность. В осенних сумерках на меня бежал, прихрамывая на одну ногу, горбун в длинном тёмном плаще. Он, словно огромная уродливая птица, летел на крыльях своего одеяния, то исчезая в тени между фонарей, то появляясь в их больном жёлтом свете. Неравномерный топот шагов оглушал, тело не хотело двигаться с места, ноги будто приросли к тротуарной плитке, а сердце колотилось в горле. Мне просто хотелось исчезнуть, казалось, что стоит этому цирковому уродцу коснуться меня, и я умру.

Перед самым моим носом мужчина затормозил, едва не врезавшись всем своим грузным телом. В память впечатались его странные глаза разного цвета: жёлтый и красный. Тьма поглотила сознание.

Ощущение падения в бездну стало явственным, словно я летел на землю, но никак не мог долететь. То ли завис, то ли время остановилось, но чувство того, что тело проваливается в пустоту, не отпускало, а перед глазами пронеслась, без преувеличения, вся жизнь от колыбели.

Первые воспоминания были размытыми, как картинки под водой. Тёплые руки, смех и плач, высокие серые стены, не очень удобные кровати с деревянными решётками. Много детей, которые, как и я, сидят в кроватках-клетках, как зверьки.

Мы рассматривали друг друга с интересом, общались жестами. Мы учились ползать, затем ходить, вылезать из своих клеток. Всматриваясь друг в друга, как инопланетяне, впервые выбравшиеся на одну планету с разных уголков Вселенной, мы вместе узнавали наш микромир.

Только некоторое время спустя я узнал, что «детский дом» – это пристанище тех, кто не нужен родственникам, как мне сказал один мальчик по ту сторону забора, у которого мы разговаривали. Еще он добавил: «Таких уродов, как ты, всегда отправляют в детдом». Я урод.

Среди таких же сирот, ушибных в разной степени, я не был слишком странным. Мы росли своей ватагой бракованных, играли в странные игры и не обращали внимания на недостатки друг друга. Всё началось тогда, когда за мной пришли они.

Осень тогда была такой же холодной, как сейчас, я болел и почти не выходил из палаты в лазарете, чтобы не заразить остальных. Помню, как ко мне ворвалась девочка с отчаянно косящими глазами и крупными передними зубами, из-за которых её все называли «зайкой».

– Алик, Алик, там присли всрослые, – она тараторила, слегка шепелявя, – тебя саберут, я снаю!

Зайка не отстала бы, я знал, потому, кутаясь в большую тёплую кофту, которую мне дала фельдшер, вышел в игровую комнату. Выглядел ужасно – белые волосы всклокочены, несмотря на то, что острижены коротко, нос покраснелся, я всё время чихал и покашливал, а бледные глаза слезились. Вылитый лабораторный крысёныш.

Через десять минут в игровую зашли взрослые. Парами они бродили среди детей, заговаривали, рассматривали нас, как бесплатные поделки на ярмарке. Хоть неказистые, зато на халяву. Редко на лице проходящих людей я видел настоящее желание подарить Дом и Любовь. Многие с каким-то первобытным страхом косились на меня. Я ужасно громко чихал, шмыгал носом, и, закутанный в безразмерный серый свитер, казался призраком умершего мальчика.

Среди обычных парочек, молодых и не очень, сильно выделялись двое мужчин. Мне, в силу детской наивности, казалось, что они близкие друзья или братья. Один из них был на целую голову ниже другого, его светлые волосы были аккуратно пострижены, красиво уложены, одежда сидела идеально, костюм без заломов и складок казался частью владельца, туфли сияли чистотой. Второй – рослый, темноволосый, с длинной гривой волос, его мощный торс при вдохе почти разрывал тёмную ткань рубашки-поло, загорелые руки сложены на груди. Он казался мне суровым истуканом какого-то бога, подобным тому, что я видел однажды в книжке про индейцев – из-за крупных черт лица и густых бровей. Но когда утончённый русоволосый спутник ему что-то говорил, то великан улыбался пухлыми губами, и в уголках его глаз собирались солнечные морщинки.

На мою беду щёголь обратил на меня внимание, когда я чихнул довольно громко и не смог убедительно имитировать стену.

– Посмотри на него, Алекс, – зашебетал он, лёгкими шагами подбегая ко мне. Влажные глаза мужчины были готовы потечь слезами, – несчастный ангелочек простужен! Как тебя зовут, малыш?

– Альберт, – прошептал я, стесняясь собственного вычурного имени. Воспитательница однажды сказала, что имя было написано у меня на пятке, когда меня доставили в детдом.

– Как подходит! Ты и правда белый и как будто светишься! – мужчина, казалось, вот-вот просочится сквозь пол сладкой карамельной лужицей. – Алекс, он нам нужен. Я никого другого не возьму!

Я впервые видел на мужском лице выражение такое же, как у наших девочек, когда они просят уступить им светлое место у окна, – он надул губы, поднял брови и как-то по-щенячьи посмотрел на великана. Я думал, что Алекс сейчас будет смеяться, но, к моему изумлению, он улыбнулся и как-то осторожно положил восторженному руку на плечо.

– Я всё улажу, – разнёсся его звучный баритон, и мне стало от чего-то стыдно, – пообщайтесь пока.

Фигура Алекса поплыла через комнату к воспитателям, а я остался наедине со странным мужчиной. Он присел рядом со мной на детскую лошадку, чем вызвал искреннюю улыбку.

– Меня зовут Рома, – представился он и протянул руку, я шмыгнул носом и пожал своей бледной ладонью его тёплую мягкую, – ужас, ты такой горячий! И весь как будто насквозь просвечиваешь! Как же ты похож на ангела, Альберт, прям неземное чудо.

\*\*\*

Они забрали меня из приюта. Взяли к себе, как щенка или котёнка. Можно было ликовать. Но жизнь – подлая стерва, лишь насмехалась надо мной. Первое, на что я обратил внимание – отсутствие женщины в доме. Не было «мамы» и «папы», как в книжках и сказках, вместо этого только Алекс (как позже выяснилось – Саша) и Рома. Первый крутился в каком-то бизнесе, решал важные дела, а второй готовил, убирался, гладил, когда это не делала горничная, приходящая каждый день, кроме субботы и понедельника.

В большом доме, который как на картинке журнала был обставлен по последнему слову техники и стиля, я чувствовал себя, словно мышь, внезапно оказавшаяся на открытом пространстве. Мне было страшно и неуютно после небольшой комнаты, которую мы делили на шестерых, узких коридоров и толчеи. Пространство пугало, а отсутствие людей угнетало.

Я нашел пристанище в просторной детской. Комната была завалена игрушками, как филиал «Детского мира», на столе стоял ноутбук, к которому я подходить боялся. У окна, выходящего на парк, стоял гардероб, в котором мне казалось, можно спрятать пару Нарний и легко потерять одного белого мальчика.

Меня усыновила состоятельная семья.

Меня. Белую ворону. Но я был уверен, что где-то есть подвох. И он был.

Ничего нельзя скрывать вечно. Это я понял спустя два года жизни с Алексом и Ромой. К тому моменту мою персону уже устроили в одну элитную школу. Она располагалась за городом в живописной роще и внешне была чуть ли не Хогвартсом. Отдавать меня на пансион Рома отказался напрочь, потому каждый день возил сам. Это был подвиг, ведь за него чаще всего всё делал штат прислуги или Саша. Сквозь пробки, преодолевая сонливость, мой усыновитель отважно каждое утро довозил меня до моего персонального ада. Можно сказать, Роман стал моим Хароном – я умирал каждое утро, чтобы возродиться к вечеру.

С первых же дней я понял, что эта школа – настоящий карцер под видом престижного заведения. Хоть учителя и персонал там были в высшей степени обходительными, на полу нельзя было найти ни соринки даже в то время, когда ученики носились толпами по коридорам, а всё оборудование соответствовало последнему слову техники и отвечало высоким стандартам обучения, те, кто там учились, были настоящими исчадиями ада, одетыми в костюмы от-кутюр.

Девочки и мальчики были преисполнены гордыни, высокомерия, жестокости и злобы. У них было всё, чего может пожелать не только ребёнок, но даже взрослый. От вседозволенности и осознания собственной власти ребята были не по годам развращённые, похожие на яблоки, которые сгнили изнутри, не созрев.

Первый урок того, что в обществе меня не примут, я получил от девчонки в коридоре. Это случилось в один из первых учебных дней. Она оживлённо жестикулировала, рассказывая своим подругам какую-то глупую историю, и, махнув рукой, сшибла со своей головы мелкую заколку. Сверкающая безделушка отлетела прямо под мои ноги. На автомате я поднял переливающуюся кристаллами штучку и протянул владелице.

Большого омерзения я не встречал даже на лицах взрослых, которые приходили в приют. Девочка взяла заколку двумя пальцами и стала протирать её антибактериальной салфеткой, отвернувшись от меня, как от гниющего труп суслика. Если бы она смеялась, обзывалась – и то было бы не так обидно. Они удалялись, а я чувствовал себя так, будто окунулся в городскую канализацию с головой и успел хлебнуть всей прелести, пока плыл к поверхности.

– А ещё у этого уроды родители – геи! Прикиньте, девочки? Интересно, а кто из них «мама», а кто «папа»? – донеслось до меня с другого конца коридора.

Я не понимал, о чём они, и решил вечером спросить у Ромы. Наверное, зря поторопился, но слишком уж жгучее ощущение чего-то страшного или постыдного терзало меня целый день. Вечером, натерпевшись насмешек и почувствовав себя полным ничтожеством, я сидел

на заднем сидении автомобиля и пытался выдавить из себя хоть слово в ответ на бесконечные вопросы.

– Берти, а как тебе столовая? Я видел, что там...

– Рома, мне сегодня одна девочка сказала, что мои родители – геи. Как это понимать? – вырвалось у меня. Мужчина замолк на целых три минуты, раздумывая над ответом.

– Поговорим об этом позже, ангел мой, – проворковал усыновитель, – дома, хорошо? Хочешь пиццу? Или шоколадный торт?

– Нет, спасибо.

– Тогда я обязан купить тебе вкусный кофе!

В тот день я понял, что любые неприятности, любую душевную горечь, обиду и боль можно запить хорошим кофе, главное подобрать его под настроение. Пусть Рома был всегда глуповатым и капризным, но чувствовал он тонко. Потому мягкий раф, приправленный кленовым сиропом и маршмеллоу, который он вручил мне, стал моим спасением. Настроение поднялось, сменилось с откровенно мрачного на нейтральное, может, только немного печальное.

Дома Рома отправил меня мыть руки и переодеваться, а сам поспешил в комнату к Алексу. А я терпеливо ждал ответа на свои вопросы. Рокочущий голос Саши вызвал меня в гостиную, и там состоялся разговор, который сделал меня взрослее и осторожнее.

Рома вставлял редкие фразы, в основном поддакивал партнёру, который объяснял мне, кто такие геи, почему их так называют, почему их ненавидят. Когда моя неокрепшая психика приступила к перевариванию информации, то посыпались вопросы, на которые парни отвечали долго, вымученно и со скрипом.

Чем взрослее я становился, тем больше стыдился себя и приёмных родителей. Под давлением окружения я замыкался, пока не превратился в классического школьного лузера.

Представьте себе одетого с иголки альбиноса, который говорит тихо и постоянно прикидывается интерьером. И я не жаловался, просто мечтал, что когда-нибудь я сбегу от этого всего туда, где меня будут уважать, даже почитать, как бога! Ребенку, начитавшемуся и насмотревшемуся сказок, это простительно. Кому не хочется жить без унижений, покарать обидчиков и обрести любовь всей жизни?

Школа закончилась, а я так и не влюбился, чем сломал все жанровые законы. Слишком инертный и забытый для сильного чувства, я осознавал свою отрешённость от мира.

Пришла пора поступать, что я и сделал блестяще. А на экскурсии по университету преподаватель намекнул, что группа может принять меня холодно.

Так оно, в сущности, и было, но лузеру по жизни это привычно. Я замкнулся в себе, постарался ни с кем не заговаривать без надобности. Так или иначе, приходилось общаться с группой, но к всеобщему облегчению, это случалось редко. Однако теперь широкая студенческая тусовка обратила на меня свой взор, и некоторые ребята из параллельных курсов решили повысить свою самооценку за счёт молчаливого белого призрака студента, который не может дать отпор ни морально, ни физически.

Естественно, уже к первому курсу универа я превратился в человека, резистентного к выпадам. Проучившись два года среди ядовитых или безразличных сверстников и космически отстранённых преподавателей, я настолько сам очерствел, что перестал верить в любое спасение из этого жестокого и холодного мира, привыкая к отношению окружающих. Душа пропитывалась сарказмом, а ум – квинтэссенцией цинизма, вера в волшебников, избранность или просто везение покинули меня вместе с верой в себя.

\*\*\*

Затылок с размаху встретился с чем-то твёрдым, мимо проскрипели неритмичные шаги, и гнусавый голос со смешком оборвал череду видений:

– Разлётся, особого приглашения ждешь? Не будет! Поднимайся, бледное чудовище, Мастер зовёт!

## Часть вторая. Мастер

Хромой горбун недовольно ворчал и пинал своими тяжёлыми сапогами тонкую подошву моих туфель. От этого ноги начинали гудеть. Пришлось встать, пока этот Квазимодо с замашками садиста не перешёл к попиныванию почек.

Стоило мне оторвать голову от пола, как зрение превратилось в калейдоскоп, разбивая картинку на мелкие, не связанные друг с другом кусочки, голова закружилась, и к горлу подступил ком тошноты. Кое-как удерживая ось вращения своего мира, холодными ладонями сжимая виски, я пытался рассмотреть всё вокруг, но мой сопровождающий был явно обделён терпением.

Горбун вздёрнул меня на ноги за воротник пальто, затрещали швы. Мир вокруг ушёл во тьму.

Когда я пришёл в себя, то обнаружил, что болтаюсь на плече мужчины, как дохлый полярный лис. Заметив, что моя персона соизволила очнуться, Квазик стряхнул меня на пол, придерживая тяжелой лапищей за плечо. Без этого мой череп рисковал снова встретиться с твердью под ногами.

Картинка перед глазами не рассыпалась больше, и я смог осмотреться, хотя достопримечательности не радовали. Мы шли по какому-то деревянному поскрипывающему полу, вряд ли паркетному. Рассмотреть напольное покрытие было невозможно – единственным источником освещения были свечи, вставленные в кованые клетки-лампады, свисающие на коротких цепях с потолка. Над головой простиралось довольно обширное пространство, пересечённое балками – как в средневековом замке, ей-богу! А стены были как будто каменными или декорированные под камень. Чтобы определиться, я сделал шаг в сторону и кончиками пальцев коснулся одной стены коридора. Горбун бесцеремонно дёрнул меня обратно, что-то угрожающе прорычав. Мгновенное тактильное рандеву завершилось выводом: настоящий, холодный, гладкий камень, сложенный встык. Даже если между булыжниками и был просвет с раствором, то я на ощупь его не почувствовал.

Что самое забавное – мне не было страшно, ощущение глупого сюр вызывало лёгкую улыбку на лице. Мозг не хотел видеть в этом реальность, он даже не искал выход, а просто воспринимал всё, как мультяшное, при просмотре которого ощущения реальнее некуда.

В конце коридора нас ждала дверь, по обе стороны которой горели воткнутые в стену факелы. Печально обитателям тут без электричества и интернета, наверное. На тяжёлой, закругленной сверху створке из тёмного дерева красовался железный узор из гнутых полос металла, изображающий скелет какой-то крылатой мифической твари вроде дракона, держащего в передних лапах сферу. Сияющий кругляш был из незнакомого переливающегося камня. Когда меня подтащили к нему, камень сменил цвет с белого на глубоко-фиалковый, и дверь тихо приоткрылась.

Квазимодо дал мне хорошего пинка, и я влетел в открывшийся дверной проём ласточкой, запнулся о какую-то подставку у входа и приземлился на колени прямо на лакированный пол, затормозив в сантиметрах от морды какого-то медведеподобного представителя семейства кошачьих, шкура которого устилала блестящий паркет. Хоть здесь паркет.

Вся комната была озарена золотистым ровным сиянием, словно солнце поселилось в центре на высоком столе из тёмного дерева, а окружающие предметы разбросали на стены и потолок причудливые длинные тени.

– Встань, юноша, – послышался глубокий голос, в котором звучали снисходительно-покровительственные интонации.

Вздохнув по ушибленным коленям, я поднялся, отряхивая с брюк пыль, которой, к чести владельца кабинета, было немного.

Первое, что поразило меня – миниатюрная звезда. На медной ножке крепилась золотистая дуга, похожая на ту, которая обычно охватывает глобус, только вместо земного шарика над подставкой висел клубок тончайших золотых ниток, мельтешащих вокруг сияющего ядра, испускающего свет. На столе в строгом порядке лежали писчие принадлежности: перьевая ручка, карандаши, желтоватая бумага, какие-то рукописные труды в тяжёлых переплётах. Потом мой взгляд наткнулся на бледные руки, лежащие на столешнице. Инстинктивно я поднял взор.

Лучше бы я этого не делал.

Моё лицо изучали глаза цвета тёмного ночного неба – когда синий скорее ощущается, чем виден на самом деле, они были холодными дырами в материи пространства. Симметричное благородное лицо мужчины было едва тронут мимическими морщинами, словно ему не исполнилось ещё двадцати пяти. Но малейшие жесты, интонации, ироничный изгиб тонких губ, лёгкая нахмуренность чёрных аккуратных бровей и отточенный жест музыкальных пальцев, охвативших в притворной задумчивости подбородок, говорили о том, что у этого мужчины за спиной много зим и лет. Все его движения казались заученным танцем, отрепетированным спектаклем одного актёра.

Когда всё время бежишь от людей, учишься наблюдать за ними со стороны.

Даже сидя, этот мужчина казался высоким, хотя, возможно, его кресло стоит на возвышении. Тёмно-рыжие, почти каштановые волосы были зачёсаны со лба назад и свободно падали на спину, слегка изгибаясь на концах.

Этот рыжеватый каскад выгодно смотрелся на чёрном одеянии мужчины, похожем на древний камзол, из-под которого выглядывала кремовая рубашка.

– И что у нас тут? – поинтересовался он, не скрывая иронии в голосе.

– Не «что», а «кто», – машинально поправил я, ощущая, как завизжало и без того пришибленное самолюбие, вернее, его жалкая тень. – И где это «у вас»?

– Юноша, – пальцы собеседника сплелись, закрывая нижнюю часть лица, – вы сейчас в моей башне. Меня зовут Вильгельм Ингефорц, Мастер темной магии, Магистр некромантии и далее по списку титулов. А вот кто вы?

– Альберт. Кажется ваш ручной конёк-горбунок ошибся, я не из вашего клуба. Прошу вас, верните меня на грядку, где рос, – наверное, из-за ощущения абсурдности происходящего я начал хамить. А ведь таким тихим был!

– Вы думаете, – усмехнулся Вильгельм, хлопая руками по столу, – что я – сумасшедший, к которому подручный притащил очередную жертву, да?

– Ну не реальный маг же! Кстати, классный светильник, почём купили? – я кивнул на настольное солнце.

– Дорого, – загадочно улыбнулся мрачный индивид, – я бы мог вас убить и поднять в качестве послушного трупа, но, к сожалению, вы нам нужны живым. Так что придётся доказать вам иным способом свою силу. Приступим.

Я ожидал чего угодно: странных пассов руками, заклинаний на латыни, волшебных палочек, да хоть бубна, в конце концов! Но Ингефорц лишь слегка приподнял бровь и на секунду бросил взгляд поверх моего плеча, а потом уставился на меня с довольной улыбкой на тонких губах. Такой приём у фокусников называется «отвлечением», зритель должен переключить внимание на пару мгновений, за которые иллюзионист сможет сотворить свое «чудо». Я улыбался, неотрывно глядя на некроманта, пока меня в ухо не укололо что-то тонкое и холодное.

От неожиданности я подпрыгнул на месте, как напуганная кошка, разворачиваясь в коротком полете на сто восемьдесят. Передо мной в воздухе висело оружие разных форм и размеров, от стилетов, до огромных двуручных мечей. Острия смотрели на меня, реагируя даже на шевеление ушами, словно я был магнитом, а они – металлической стружкой. Кровь

остыла в жилах, я не смел даже глазами шевелить, только вцепился похолодевшими пальцами в столешницу позади себя, как в островок реальности.

– Ну же, юноша, – голос Вильгельма стал мягче от улыбки, – проверьте, вдруг они подвешены на тонких лесках или мои помощники ещё как-то ими двигают. Что стало с вашим неверием?

– Они как живые, – меня гипнотизировал хищный блеск стали, – так где я, говорите?

– В моей башне, – оружие медленно и плавно разлеталось по местам: на стены, в ниши и потайные отверстия, – а я – ваш будущий директор, если хотите, но предпочитаю именоваться Мастером или Магистром.

– Директор? – я с трудом отлепил руки от столешницы и обернулся, уставившись широко раскрытыми глазами на мужчину. – В каком смысле?

– Вы будете здесь учиться, юноша, – вздохнул чернокнижник, демонстрируя огромную выдержку, – в моей академии.

– Чему-у-у? – зрение начало предательски двоиться, пьяный пол покачивался.

– Магии, юноша, магии, – снисходительно пояснил Ингефорц.

– А-а-а! Метлу мне! – воскликнул я, посмеиваясь.

– Зачем? – удивился собеседник, но я уже не слышал.

Странно, тёмный кадр – словно я слишком надолго закрыл глаза, а теперь смотрю в потолокную даль надо мной. Вроде как лежу. Затылок снова болит, так неприятно, словно я им старался пробить земную кору. Вокруг на железных блюдах, прибитых к стенам, оплывают толстые свечи. Жёлтое сияние ложится на серую извёстку в каких-то чёрных потёках и копотях.

Моё тело покоилось на жёсткой кровати поверх колючего одеяла. По ощущениям – к потолку ближе, чем к полу. Перекатившись набок, я свесился со второго этажа грубо сколоченной двухъярусной койки и осмотрел комнату. Просторное помещение было заставлено кроватями, похожими на обычные тюремные нары, рядом с каждым спальным местом возвышались тумбочки или шкафчики из металла, по виду они напоминали сейфы. Сейчас их дверцы были полностью распахнуты.

– Очнулся, заморыш, – прозвучал с противоположного конца комнаты знакомый голос горбатого уродца, – поднимай свои кости, мне нужно отправить тебя назад и дать инструкции. Живее!

– Назад? – удивился я, свешивая ноги с края кровати, прыгать было высоковато, но другого способа спуститься не было. – А мы где сейчас?

Мои подошвы с грохотом ударились о пол, колени жалобно хрустнули, пятки заныли. Прихрамывая на обе ноги, я направился к своему провожатому.

– В башне Мастера, она же Академия тьмы, но для тебя, сопля, – горбунок покосился на меня с презрением, – это Обитель Костяного Вирма! Или будущая могила.

– О чём ты? – замер я, поравнявшись с моим проводником, слово «могила» мне очень не понравилось.

Но в ответ этот Квазимодо доморощенный лишь начал гнусно посмеиваться, толкая меня перед собой. Чем больше паники слышалось в моём голосе, тем громче он смеялся. В конце концов, я решил не поднимать настроение этому фашисту и шёл молча, пока мы не оказались в обширном зале со сводчатым потолком.

Посередине на тёмном полу были начертаны фигуры и письмена в правильном многоугольнике. Горбун толкнул меня в центр, встал рядом сам и что-то сжал в ладони. Знакомое ощущение бесконечного падения. Наверное, так себя чувствовала кэрролловская Алиса, когда летела в кроличью нору.

На этот раз все закончилось гораздо быстрее и без душераздирающей ретроспективы. Мы стояли у моего дома, на углу элитной высотки в фешенебельном районе города. Время на наручных часах было таким, будто я просто прошёлся от универа пешком до дома. Мне бы

хотелось думать, что все это плод воображения, кратковременного помешательства, но хромой гротескный персонаж рядом был доказательством реальности произошедшего. Его грубая ладонь сжала моё запястье до боли, и кожа у основания ладони начала гореть, словно туда вонзилась сотня иголок.

– Это тебе напоминание, – противно похрюкивая от смеха, сказал Квазик, – как только последняя капля упадет вниз – ты должен быть готов к перемещению.

Мне оставалось только опустить глаза и обнаружить татуировку в виде водяных часов, на моих глазах вниз капнула алая капелька, возвещая начало отсчета.

– А когда... – начал было я, но, оглянувшись, понял, что рядом никого, – ушёл, гад.

Голова шла кругом от произошедшего, словно кто-то запустил волчок в черепной коробке. Он сказал быть готовым к перемещению. Значит, у меня просто не было выбора.

– Домечтался, блин, волшебник чёртов, – выругался я сквозь зубы, открывая кованую дверь, ведущую во двор дома.

Сонный охранник окинул меня взглядом, его зрачки расширились от страха и сузились буквально в то же мгновение. Признал во мне человека. И на том спасибо. Кивнув стражу порядка, я прошмыгнул через двор и зашёл в подъезд, там напугал консьержку. Лифт приполз на родной одиннадцатый этаж. С порога меня обнял запах домашней шарлотки, утки в духовке и глинтвейна. Рома расстарался сегодня.

Нужно отдать должное моему опекуну – он прекрасно готовил, а его глинтвейн просто потрясающая вещь!

Сняв верхнюю одежду и обувь, я проскользнул в ванную, а оттуда в кухню. Рома в наушниках напевал что-то из Бритни Спирс, кажется. Разместившись на белом кожаном диванчике, я с улыбкой наблюдал, как этот молодящийся мужчина поёт в половник.

– Альберт! – он чуть не бросил половник в горячее вино и стянул наушники с головы. – Ты напугал меня, радость моя!

– Ты за столько лет не привык, – меня уже не расстраивало. – А где Алекс?

– Скоро приедет, – плита выключилась, опекун убрал чан с глинтвом под крышку и махнул на меня полотенцем, заметив, что я принохиваюсь, – нельзя пить на голодный желудок! Подожди Сашу, поужинаем вместе. Как учёба?

Мужчина кивнул в сторону лоджии, и мы вышли. Скрипнул пластиковый стеклопакет, открываясь, щелкнула зажигалка, потёк едкий сигаретный дым. Я не курил, хотя иногда хотелось, особенно в переходном возрасте.

– Как всегда, Ром, – я нахмурился, глядя вдаль на зажигающиеся огни, – там несколько нормальных людей и стадо идиотов. Даже не знаю, зачем я там болтаюсь, ведь диплом – это пережиток прошлого!

– Альберт, – вздохнул глубоко мужчина, стряхивая пепел, – эта учёба – твой плацдарм! Там нужно заводить знакомства, попадать на глаза нужным людям и...

– Пугать их своим внешним видом! – подхватил я.

– Дурачок, у тебя запоминающаяся внешность! – Ромашка замахал на меня своими ухоженными руками. – Просто ты не умеешь себя подавать!

– Яблока во рту не хватает! – вместе с ехидством из меня выходил весь стресс от пережитого.

Сознание всё же не спешило признать факт моего короткого перемещения достоверным. Произошедшее казалось сном или вернувшейся из детства глупой фантазией. Вот только лёгкое головокружение, саднящие колени, странная татуировка на фантазию не тянули. В пору было отбирать у Ромашки сигареты. Сквозь плотную реальность начала пробиваться искра осознания, я чувствовал, что руки дрожат, колени едва держат, а ощущения окружающего мира старательно ретируются из моей головы.

– Пойду переоденусь, – тихим безэмоциональным голосом уронил я, повернулся спиной к Роме, чтобы не видеть его растерянный взгляд. Он удивительно тонко чувствует людей!

Путь в комнату показался мне слишком длинным, коридор словно растягивался под ногами, как жвачка, которую моя бывшая одноклассница любила наматывать на грязные пальцы. Оказавшись у знакомой двери, я едва понял, зачем пришёл, переступил порог и вдруг меня накрыло.

Снимая с себя одежду, человек ощущает незащищенность и расслабленность, если делает это добровольно, конечно. Вот моя психика и расслабилась, прорвавшись слёзным поносом. Я забыл закрыть дверь, я вообще обо всем забыл, ничего сейчас не имело значения.

## Часть третья. Ожидание

За спиной раздалися шаги, а я так и комкал снятый с себя костюм. Тихий плач сотрясал меня, как разряды электрического тока.

– Альберт, солнышко... – задохнулся отчего-то Рома, подбегая ко мне.

Его мягкие тёплые ладони порхали над моим лицом, прикасаясь то к глазам, то к щекам. Я понял, что он стирает с моих щёк слёзы только тогда, когда проглотил одну из них. Взять себя в руки не получалось, рациональная часть мозга металась в истерике, пытаюсь склеить разорванные шаблоны, а инстинктивная часть хотела выхода эмоций. Я рухнул в руки Ромы и постыдно разрыдался. Скопилось всё: детский дом, школа, раскрытые тайны опекунов, унижения, вечно игнорирующее меня общество и, наконец, встреча с Вильгельмом Ингефорцем.

– Альберт, Берти! – он уже почти кричал и тряс меня за плечи, но сказать мне хоть слово не давало сбивающееся от всхлипов дыхание. – Кто-то тебя обидел? Что они сделали? Алекс, иди сюда, Алекс, помоги же мне!

Последние слова Ромашка бросил только вошедшему в квартиру мужчине. Саша никогда не отличался разговорчивостью, он скинул туфли, бросил пальто на пол в прихожей и пересёк пространство квартиры в несколько шагов. Я наблюдал за ним сквозь пелену слёз и понимал, что сильнее человека не видел.

Алекс отодвинул бойфренда плечом и ускакал на кухню за глинтвейном, отобрал у меня безнадежно смятые вещи, бросил их на пол. Как когда-то в детстве он сгрёб меня в охапку, но только теперь от земли не отрывал, я немного вырос всё же, и повёл к кровати.

Мы сели рядом.

Прискакал Рома с горячим глинтвейном. Саша внимательно осмотрел меня, завернул в одеяло и вручил стакан. Почему-то пока он совершал все манипуляции молча, сосредоточенно глядя перед собой, моя истерика затихла, оставив лишь сведенное спазмом горло, распухший нос и красные глаза. Справа меня подпирало твёрдое плечо Алекса, слева держала мягкая ладошка Ромы. Это успокоило.

– Что случилось? – бас Саши прозвучал мягко, но требовательно, не отвертись. – И откуда у тебя это? – он поднял мою руку и показал татуировку на запястье.

Я не знал, что ответить. Рассказывать правду было глупо. Врать я никогда достоверно не умел, как-то этот навык не развивается у людей, мнением которых редко интересуются. Молчание затягивалось и становилось неловко просто от того, что невозможность высказаться давила на мозг.

– Альберт, – Ромашка тихонько прикоснулся к моему носу, – ты можешь нам всё рассказать, правда. Мы же семья.

Я посмотрел налево и встретил мягкий взгляд, посмотрел направо и увидел кивок, опустил глаза, вдохнул судорожно... И меня прорвало. В какой-то момент я перестал контролировать свои действия. Мимики и жестов стало мало, пришлось встать с кровати. Опекуны наблюдали, как их белёсый воспитанник мечется по комнате, размахивая руками и чуть ли не на крик срываясь. В трусах. С красными глазами. Покрытый неровным румянцем.

Красавец, чёрт возьми!

В кучу свалилось всё: дурацкая школа с её правилами, первые унижения, универ с толпой безразличных кукол вместо людей, отношение к сексуальным меньшинствам, политике, системе образования. Даже горбатые уроды и надменные сволочи промелькнули в моём спиче, но вскользь. Когда нить повествования была потеряна, а запал растрочен, я сел на пол совершенно обессиленный и понял, что просто хочу спать. Плеча коснулась холодное стекло стакана. Остывший глинтвейн не очень вкусный, но мне почему-то стало легче.

Ребята покинули мою комнату, а я забрался под одеяло, наплевав на бардак вокруг, и заснул, вздрагивая от громких звуков с улицы.

Проснулся по будильнику и осознал, что пары никто не отменял. Почему-то это стало шоком даже большим, чем летающие перед носом шпаги в кабинете некроманта.

Как же так?! Человек попадает в другой мир, его там пугают до полусмерти, выдвигают какие-то нелепые условия, шаблоны рвутся... А мир продолжает так же крутиться, и никто не замечает, что в жизни одного человека произошло что-то немыслимое. Пары. Универ. Издёвки сокурсников. Пофигизм преподавателей.

– Наш мир мало того, что слеп, так еще и болен тотальным безразличием, – бормотал я, выживая из шкафа свежий костюм.

В зеркальной дверце отразилась моя персона, и утро, без того не очень доброе, окончательно испортилось. Кожа желтоватая, под глазами круги, а в глазах отчаяние. Привет, новый день, рад тебе! Заметно? Отвернувшись от зеркала, я поплелся в ванную, накидывая на плечи халат. Тёплая пушистая ткань обняла озябшее тело. Всегда с утра морозило, сколько себя помню.

Халат выбирал Алекс. Он покупал вещи больше под себя. Полы халата волочились по полу, рукава были длинными, не было у меня никогда высокого роста и широких плеч. Сколько не записывали меня опекуны в спортзал и на всякие секции – не вышло из меня качка. Только деньги на ветер и ещё один минус к самооценке.

В ванной меня встретил теплом пол с подогревом, плитка шоколадного и кремового цвета, черная ванна, похожая на огромный прямоугольный кусок камня, в котором вода выточила удобное ложе. У Ромы хоть и необычный вкус, но смотрелось всегда очень хорошо. Ритуал утреннего умывания уже подходил к концу, оставалось только сбрить хилую растительность, которая упорно пробивалась на моём лице. Я занёс бритву над пенной щекой и в ванну вошёл Рома.

– Ты встал так рано? – он искренне удивился. – Куда собираешься?

– В универ... – как-то неуверенно произнёс я.

– Какой универ, Берти?! Тебе нужно отдохнуть, – опекун так сильно взмахнул руками, что бежевое полотенце, висящее на его плече махровыми складками, мягко рухнуло на пол. – Раз ты поднялся, иди на кухню, сейчас приготовлю кофе.

Сил на изумление не было, пришлось стереть пену с лица и покорно потащиться в обитель хорошего настроения. Запахи вкусной еды, кофе, ванили и немного табака (потому что Алекс курил здесь) всегда бодрили, заставляли улыбаться и забывать плохое. Уют в этой комнате зашкаливал.

Мягкий диванчик принял моё тело. Столешница из камня холодила руки сквозь хлопковые салфетки. Машинально я снял с подставки свою кружку, красно-чёрную с Джеком Скелетом из бёртоновского мультфильма, и принялся крутить фарфоровый сосуд в руках, задумчиво глядя на разводы краски. Наверное, я надолго залип, из потока мыслей меня вырвала ласковая рука Ромы, решительно отобравшая у меня кружку.

Чихнула и зажужжала кофеварка.

Непроизвольно я поёжился, опасаясь новых вопросов, но Рома молчал. Опекун напевал под нос какую-то старую песню, бросая на меня добрые взгляды.

– Я позвонил декану, Берти, – перед носом возникла исходящая паром кружка со снежной шапкой сливок, – ты некоторое время можешь заниматься дома.

– Умеешь ты сделать день, – я не мог не улыбнуться.

– Без этого я бы долго не прожил, – в голосе опекуна впервые за всё время, что я его знал, прозвучали печальные нотки.

Но Ромашка уже улыбнулся, только уголки рта разок дрогнули. Мужчина повернулся к плите, и через пару минут мы уже объедались чудесной глазуньей. Без вопросов друг другу,

просто шутили, болтали, словно не замечали в глазах тайну. Через пару часов у Ромы была запись на массаж, он извинился, и умчался, а я ушёл к себе, чтобы рухнуть на кровать.

Но созерцание потолка не принесло покоя и ответов на вопросы. Татуировка притягивала взгляд, как магнит. На моём бесцветном теле она светилась ярким клеймом. Чёрные линии резкими штрихами очерчивали угловатые сосуды клепсидры, сообщающиеся между собой. Алая жидкость капала сверху вниз, чернея на лету. Капли были мелкими, в верхнем сосуде было достаточно жидкости, но скорость, с которой время убывало, пугала. Я решил не думать об этом пока.

Внезапно высвободившиеся часы решено было использовать с толком. Задания из универа прекрасно укладывались в голове в домашней атмосфере под кофе и любимую музыку, особенно радовало отсутствие помех в виде сокурсников. Кроме занятий оставалось достаточно места для любимых фильмов и набросков комиксов, которые я делал от скуки. Мысль о том, что мне придётся скоро покинуть этот дом, опекунов, даже проклятый вуз – приводила в смятение! Мир волшебников встретил меня чудесами со знаком минус. Складывая в уме те фрагменты, которые удержала моя память, фразы, взгляды, я понимал, что и там бледной поганке вроде меня совсем не будут рады.

\*\*\*

Незаметно неделька отдыха от универа растянулась на месяц, я сдал пару контрольных тестов и понял, что учиться дома гораздо продуктивнее. Семейный совет постановил – я перехожу на домашнее обучение и появляюсь в вузе только ради важных экзаменов. Алекс поехал убеждать ректора, а Рома вздохнул с облегчением, с лица опекуна исчезла печать озабоченности. А для меня время полетело со скоростью метеорита, притянутого земной гравитацией.

Круговерть забот поглотила всё, я практически не выходил из дома, только в альма-матер – сдать очередной зачёт, или если Саша вытянет нас на выходные куда-нибудь в кафе или парк погулять. Я даже перестал поглядывать на татуировку. Страхи и метания утонули в учебном материале, который теперь казался даже интересным.

Психология, структура управления, продуктивный менеджмент стали весьма интересными дисциплинами, у меня сложилось впечатление, будто я могу понять людей и их неприязнь ко мне. Но ещё приятнее было понимать, что с помощью знаний можно управлять окружающими, стоит только понять, о чём думает человек, чего боится, чего желает втайне даже от самого себя. Я делал то, что раньше казалось бессмысленным – познавал окружающих.

Незаметно умерла осень, зима одела улицы в белый снежный траур. На фоне светлых пейзажей я как хамелеон-альбинос перестал выделяться бледной кляксой. Я наконец-то смог слиться с окружающим ландшафтом.

Заканчивался очередной семестр, и дело катилось к Новому году. Город одевался огнями, гирляндами, везде появлялись искусственные ярко наряженные ёлки. Магазины зазывали скидками и акциями, пытаясь навариться на предпраздничной лихорадке, всякие шоу притягивали празднично настроенный народ, собирая приличные кассы. Опекуны вовсю шушукались, готовили грандиозный сюрприз к празднику, мне было даже смешно наблюдать за двумя взрослыми мужчинами, которые ведут себя, как десятилетние мальчишки.

Я проснулся ночью. Во сне мне казалось, что муравьи прогрызли в коже крошечные дырочки и забрались внутрь, они кусали мою руку на уровне запястья, казалось, до кости. Открыв глаза, я почувствовал, что ощущения сна весьма реальные, рука горела и чесалась.

В панике включить ночник удалось не с первого раза, пальцы упорно не нащупывали кнопку включения света, словно кто-то убрал её со стены. Наконец, заветная пластиковая пимпочка нашлась, щёлкнула. Я уставился на руку и тут же понял в чём дело. Татуировка словно воспалилась, её линии проступили очень четко, кожа вспухла по рисунку и покраснела. Жидкости в верхнем сосуде оставалось совсем немного, буквально с десяток капель. Сработал магический будильник. Горбун сказал быть готовым к перемещению.

Паника появилась на секунду, но тут же была задавлена здравым смыслом, стоило мне представить, как я появлюсь в трусах в кабинете Ингефорца. Худшая картина в мире. Я тихонько слез с кровати, постарался без особого шума достать из шкафа дорожную сумку – самую невзрачную, которой Рома не хватится, сложил туда одежду, свои личные мелочи, вроде расчёски или зубной щётки, за которой пришлось красться в ванную. Подумал и сунул сверху писчие принадлежности, альбом для рисования с набросками и нашу общую с опекунами фотографию. Татуировка словно раскалилась изнутри. Пришлось сжать челюсти, чтобы не зашипеть, я оделся, прокрался за своей уличной обувью и не смог удержаться от того, чтобы хоть издалека не взглянуть на ребят.

Дверь в комнату Алекса и Ромы была приоткрыта, на тумбочке рядом с кроватью стояла пустая кружка, из которой Рома пьет сок перед сном. С кровати свешивалась мощная рука, из-под одеяла торчала пятка Саши. Он лежал на животе и мирно сопел, как большой медведь. Поверх его плеча белела рука Ромы, он ворочался во сне, словно видел кошмар.

Паника снова скрутила внутренности в жгуты. Я хотел бы сейчас разбудить ребят и попросить помощи, но ощущение полёта спиной в пустоту стало нарастать. Вдох застрял в горле, не дав даже шанса на прощание, и всё вокруг поглотила тьма.

\*\*\*

Прояснилось сознание уже после перемещения. Я стоял во дворе высокой башни, которая уходила куда-то в облака своей крышей. Вид этого строения настолько поразил воображение, что ощущение реальности исчезло на некоторое время и вернулось только тогда, когда ноги замёрзли. Ведь я стоял с туфлями в руках, так и не успев надеть их! Чувствуя себя последним идиотом, бледный взъерошенный призрак в моём лице принялся прыгать на одной ноге, натягивая туфлю на вторую. Слава всем покойным физикам, вокруг никого не было! Правда после процедуры завязывания шнурков стало не по себе от этого факта.

Огромный двор был пустынным, повсюду стелился туман, будто я стоял посреди медленно закипающего котла. В белой пелене почти за пределами видимости тёмными пятнами выделялись столбы, между которыми колыхались толстые цепи. Идти следовало к башне, другого выхода не наблюдалось. Но, как только первый шаг был сделан, до слуха донеслись голоса.

– И так каждый год, Марсель, почему портал выносит нас к самым воротам? Неужели Магистр не может точнее настраивать магию? – звенел женский голос, полный монаршего гнева на грани истерики.

– То мне неизвестно, мадам Борхис, – послышались неравномерные шаги и знакомый голос. Пакостный голос, который я на всю жизнь запомню! Сейчас он источал подобострастие, – но вам бы самой не худо спросить о том у Великого Вирма.

– Марсель, это будет бестактно, – я буквально видел мимику женщины: сейчас она должна была искривить безупречные губы и наморщить гордый аристократический нос, – Чезаро, как ты?

– Все хорошо, *madre*, – прозвучал довольно близко мелодичный тенор, принадлежавший молодому человеку, – Мастер Ингефорц наверняка знает, что делает. Не гневайтесь.

На этих словах я увидел троицу, шагающую прямо на меня. Статная женщина в лисьей накидке выступала гордо, её длинное платье, зауженное к коленям и оттуда распускающееся расклеванным «хвостом», подметало серый камень под ногами. Корону из чёрных волос она несла с достоинством императрицы всей земли, ухоженные локоны даже в туманном мареве казались живыми и блестящими, прихотливые выющиеся прядки колыхались, сползая пожимими на свечной воск витками на плечи горделивой женщины. Бледное лицо казалось слишком тонким, узким, на нём выделялись крупные агаты глаз, густо подведённые косметикой. Нос выдавался вперёд так заметно, что огромные глаза этого не компенсировали. Хотя госпожа Борхис глядела перед собой так властно, сжав тонкие алые губы, что никто не посмел бы даже

улыбнуться, заметив этот небольшой дефект. Тонкую шею женщины украшала единственная цепь с кулоном. На металле красовался герб, выложенный драгоценными камнями.

Справа от госпожи Борхис шагал юноша высокого роста. Он унаследовал от матери горделивость походки и взгляда, но волосы были светлее, глаза же оказались темнее, чем у матери, нос куда меньше, а вот губы полнее. Но всё равно его лицо было каким-то надменным, гордым, что не вязалось с его наигранным смирением, когда он говорил об Ингефорце. Парень обладал завидным атлетическим сложением, этого не скрывало чёрное пальто с каким-то коротким блестящим мехом. Оно даже укрупняло его фигуру.

Слева от женщины хромал Марсель, сверкая в тумане разными глазами, и жутко улыбался.

Из всей троицы меньше всего я хотел видеть этого отвратительного Квазика. Между тем компания пёрла прямо на меня, явно не замечая на пути бледной помехи. Госпожа Борхис начала рассказывать о гостеприимстве какого-то графа, который телепортировал её едва ли не в кресло в гостиной, но остановилась на полуслове. Её взгляд наконец-то заметил преграду. Дальше был истошный визг. Я такое слышал только тогда, когда в женскую раздевалку на физкультуре мальчишки закинули крысу. Белую крысу.

– А-а-а-а, вампир!!! – закричала женщина, растеряв всю свою надменность. По рукам Чезаро проскользнула синяя искра, и мне стало действительно страшно.

– Спокойно, мадам Борхис, – едва не рухнул в ноги женщине Марсель, – это лишь ещё один ученик! Мастер Ингефорц вытащил заморыша из другого мира к нам. Пожалуйста, не колдуйте, мастер Борхис, Вирм не любит этого, вы же знаете!

– Из другого мира? – прошипела, дама. – Это уже ни в какие рамки! Притащить сюда мальчишку, похожего на чистокровного вампира, который даже не относится к нам. Идём, Чезаро, это ничтожество не достойно нашего внимания!

Да, всё снова было как обычно...

## Часть четвертая. Sacramentum

Чтобы сделать несколько шагов за высокомерной дамой и её сынком, понадобилось собрать все силы. Злобный горбун всё время оглядывался и мотал головой, безмолвно призывая двигаться следом. Пришлось идти, не стоять же столбом посреди тумана.

Башня медленно, но неуклонно вырастала над нами, как злобный великан, уже можно было рассмотреть светящиеся окна, странные балконы, которые парили словно отдельно от основной конструкции. Сама постройка при ближайшем рассмотрении оказалось совсем не такой прямой, как виделось издали. Её кренило из стороны в сторону в некоторых местах, какие-то этажи сдвигались относительно оси. И как эта конструкция вообще стоит? Магия, не иначе.

У больших ворот, закрытых на мощные засовы, собралась уже целая толпа, человек в сто пятьдесят. Все они были разных возрастов, рас, пола. Были и те, чью принадлежность к людям я сразу же поставил под сомнение. Однако это не мешало им свободно общаться.

Госпожа Борхис подошла к небольшой группе ребят примерно одного возраста. Перед ней и её сыном кучка расступилась. Девушки стреляли глазками в Чезаро, юноши почтительно здоровались, словно он был какой-то знаменитостью.

Я скромно встал в тени, наблюдая за странным сборищем. К счастью, никто не обращал внимания на ещё одного прибывшего. До слуха долетали обрывки разговоров, смысл которых был для меня пока не понятен. Компания молодежи говорила о какой-то клятве полушёпотом. Все они явно нервничали. Все, кроме Чезаро. Он едва заметно улыбался и говорил, что клятва лишь пережиток прошлого, формальность, которая носит чисто символический характер.

– Но это же клятва самому Ингефорцу! – воскликнула миловидная девушка, воздев к небу блестящие от чешуи ладони.

Госпожа Борхис уже намеревалась что-то ответить, я видел, как вздулась жилка на её шее, как гневно сдвинулись тонкие брови, но в этот момент всё внимание к себе приковала знакомая горбатая фигура. Уродец встал спиной к огромным дверям, посмотрел на всех собравшихся и поднял руки вверх.

Толпа замолчала в мгновение ока, теперь все глаза смотрели только на Марселя. Он смешно замахал поднятыми руками, словно ловил вертлявую муху, но от каждого взмаха тяжёлые створки вздрагивали и, в конце концов, засовы упали. Двери отворились, в тёмном проходе зажглись факелы, освещая длинный коридор. Из тьмы, гордо выпрямившись во весь свой рост, шагал Вильгельм Ингефорц.

Выглядел мужчина впечатляюще и страшно одновременно. Его тёмно-рыжие волосы были собраны в тугую косу, она болталась на правом плече владельца, подпрыгивая в такт шагам. Бледная кожа контрастировала с чёрным атласным одеянием, похожим на халат, на груди белым был вышит костяной дракон, кусающий себя за хвост. Перед толпой он остановился, спрятал руки в рукава своего одеяния и обвел присутствующих взглядом.

– Приветствую, ученики, – разнесся голос Ингефорца над головами. – Каждый из вас знает, зачем он прибыл сюда. Кроме новичков. Свежая кровь, вас ждёт клятва, которая свяжет Академию и вашу душу нерушимыми узами. После клятвы вы будете служить магии, станете инструментом её воли, проводником великой силы. Здесь вы научитесь направлять эту силу по нужному руслу. Магия – это то, что было до вас, будет после вас, потому не думайте, что вы её подчините. Входите и получите знания или уходите.

Факелы вспыхнули за спиной мага, освещая арки, уходящие вглубь первого этажа. Молчание затянулось, никто не двигался, все смотрели на кучку новобранцев, замерших в каком-то гипнотическом трансе напротив входа. Вильгельм Ингефорц повернулся в профиль и пома-

нил молодых магов к себе. Первым двинулся Чезаро, кивнув на прощание матери, а за ним потянулись остальные.

Толпа стала толкаться и грозила смять одного зазевавшегося новичка. Но взгляд магистра безошибочно нашёл меня, бледный палец оказался направлен точно в растерянное лицо.

Ученики расступились. Мне ничего другого не оставалось, как подхватить сумку и поспешить к Ингефорцу. Неловкость ситуации зашкалила тогда, когда он положил мне руку на плечо и ободряюще улыбнулся.

– Идём, Альберт, – проговорил некромант, слегка встряхнув меня, – это твоя первая серьёзная клятва, да?

– Да, Магистр, – выдавил я, ощущая, что буквально каждый внимательно всмотрелся в меня долгим испытующим взглядом.

Магистр кивнул, не снимая руку с моего плеча, и повёл по проходу, пока мы не догнали ребят во главе с Чезаро. Парень прищурился, глядя на то, как некромант в последний раз хлопнул меня по плечу и отошёл к дальней стене круглого основания башни. Толпа сзади втянулась куда-то в боковые проходы, оставляя только нашу компанию новичков наедине с магом и загадочной клятвой.

Пока ребята смотрели на меня, я оглядывался по сторонам, но ничего примечательного не обнаружил. Только сероватые стены с высоко закреплёнными факелами, уходящий вверх потолок, теряющийся в темноте, да каменный пол под ногами.

Пол удивил больше всего, ведь он казался цельным куском полированного камня, не было стыков или неровностей. Едва заметный рисунок змеился по поверхности. Я хотел присмотреться получше, но линии вспыхнули белым светом, больно резанув по глазам. Пришлось зажмуриться, а когда свет перестал казаться таким нестерпимо-ярким, я смог рассмотреть сложную геометрическую фигуру, в которую красиво вписывались символы и изображение костяного дракона. Ребята хранили торжественное молчание, их лица были серьёзны и сосредоточены, меня же распирало от любопытства.

Несмотря на торжественность момента и его фантастичность, я не мог удержаться от соблазна, потому, наклонившись, дотронулся до одной из светящихся линий. Тело прошибло разрядом электричества, ощущение того, что все мышцы, включая сфинктеры, сократились мгновенно, было крайне неприятным. Но назвать это болью не повернулся бы язык. Как следствие, ноги у меня подкосились, и щекой я встретил прохладу каменного пола.

– Что за чучело? – надо мной склонилась черноволосая красотка, брезгливо выпятив пухлую нижнюю губу.

– Свежая кровь! – прогремел в зале голос Магистра, в котором мне послышалась тень улыбки. – Пора присягнуть на верность. Закройте глаза, отпустите все мысли, распахните душу и повторяйте слова клятвы!

Меня оставили лежать на полу. Ребята послушно закрыли глаза, задышали ровно, погружаясь в транс. Понимая, что затея пустая и магом мне всё равно не быть, я решил повторять действия юных колдунов, представляя, что я на сеансе групповой психотерапии.

Ингефорц начал произносить какую-то тарабарщину, будто латынь смешали с арабским и ускорили раза в два. Меня чуть не разобрал смех, но во время честной попытки повторить слова, я понял, что сделал это легко, будто знал этот язык с детства. От удивления едва не распахнул глаза, но веки словно склеились. Темнота под ними перестала быть абсолютной, в поле зрения высветился силуэт башни, перетекающий в очертания огромного дракона, сидящего передо мной.

Слова клятвы ускорились. Я не чувствовал, как шевелю губами, словно уже и не произносил заклинание вслух. Было ощущение, словно неведомые строчки проходят сквозь мою душу, долетая до огромного дракона. И он кивает рогатой головой. Ни чёрный, ни серый, ни

белый, передо мной сидел остов из костей, в глазницах черепа вместо зрачков клубилось пламя, а сквозь зубы высывался высохший язык.

Дракон кивал, вслушиваясь в мои слова, он принимал клятву. Заклинание слилось в один протяжный звук, исходящий откуда-то из середины груди, дракон раскрыл костяные крылья и завис надо мной, он распахнул пасть, словно хотел что-то сказать, но вместо этого частокोल зубов полетел на меня.

С криком я подскочил на жёсткой кровати и ударился о низкий потолок. Сердце колотилось в ушах, в животе, кажется, даже в пятку отдавало. Ушибленный лоб гудел, поморщившись, я повернулся к источнику света. На столе стояла свеча, на кроватях, которые мне уже довелось видеть, спали новенькие. Из-за края моей койки высунулась встрёпанная голова, и я едва не подскочил снова.

– Ты чего вопишь, белый? – проворчал недовольно Чезаро. – Всю башню решил на уши поднять?

– Н-нет... – дыхание все ещё сбивалось и говорить было трудно, – просто дракон... он летел на меня, прямо зубами на меня, понимаешь?

– Это была просто клятва, – Борхис закатил глаза, словно объяснял маленькому ребёнку, что призраков не существует, – стандартный магический контракт. А всё, что тебе привиделось – плод твоей не в меру впечатлительной фантазии. Даже девушки вели себя не так эмоционально.

– Да как будто я раньше обетов не давала! – из-за шторы, которой была занавешена нижняя часть противоположной кровати, высунулась темноволосая голова, миловидное надменное личико было сердитым. – Знаешь, сколько мы человеческой крови в жертву богам принесли? А ведь каждая жертва подкрепляется клятвой!

– Митридель! – Чезаро не повысил голос, но проговорил с нажимом, в котором чувствовалась власть. – Он же человек, прекрати.

– А тебе какое дело до его чувств, будущий великий тёмный маг? – прозвучало уже с кровати над злобной красоткой. Оттуда по-кошачьи зелёными глазами сверкал светловолосый парень с крупными чертами лица. Идеальный блондин с широкими скулами, длинной золотистой гривой и, кажется, серьгой в ухе смотрел на Чезаро с вызовом. – Мы все пришли сюда, чтобы получить знания, цена у этих знаний велика, ты в курсе. Этот заморыш тут и семестра не протянет.

– Ты слишком скоро судишь, Дис, – высунулась из-за другого полога девушка с чешуйками на руках, её зеленоватые волосы были заплетены в тугую косу, которая сейчас смешно торчала почти из-за уха, – а вдруг бледный нас чем-то удивит? Может, он выбран самим Вирмом?

– Из-за того, что он уснул во время клятвы и ему приснился дракон? – приподнял бровь Дис. – Да не смехи меня, Сули!

– Потому, что Ингефорц к нему благосклонен, – перебил ребят Чезаро, – а он редко ошибается в чём-либо. При всей неприязни к нему, я готов признать, что Вильгельм – величайший из магов, которых знал свет.

Когда тебя обсуждают в третьем лице – это неприятно, но всегда нужно ловить момент, чтобы «возникнуть». Это был однозначно не он, я решил, что лезть между этих человеконенавистников такое себе занятие и тихонько отвернулся к стене, пока они ещё возмущенно что-то обсуждали. Сон снова забрал меня в лабиринты своих видений, словно и не отпускал.

Пробуждение ознаменовалось ужасным запахом. Стоило открыть глаза – источник вони был найден, но от этого легче совершенно не становилось. От него шёл сладковатый душливый смрад, словно кто-то открыл дверь в квартиру, где повесился человек недели три назад – аромат хорошо подгнившего трупа. Чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают, я ещё раз взглянул вниз.

Посреди комнаты стоял мужчина, вернее труп мужчины, одежда его обветшала и обнажила разлагающуюся плоть в чёрных пятнах. В лицо я старался не смотреть, хватало и запаха. Зомби пошатывался посреди комнаты и уходить не хотел, а мне было страшно пошевелиться. Из-за тяжёлой двери, ведущей в комнату, слышались неравномерные шаги, вошел Марсель. Он любовно оглядел ходячий труп, что вызвало у меня приступ тошноты, и перевёл глаза на наши кровати.

– Проснулись, ученики? Вижу, ваш новый приятель умеет будить молча, – горбун едва не хрюкнул от удовольствия, я видел, что напротив моей кровати, свесив ноги вниз сидит Дис и брезгливо смотрит на покачивающегося мертвеца, однако подходить к нему не торопится. – Великий Вирм поднял его для вас, хочет, чтобы вы подружились. Это Элоис, он будет каждое утро торчать на этом самом месте и ждать, когда вы откроете глаза. А потом будет сопровождать вас на учебу. И только вечером вы сможете отделаться от этого красавца!

Рассмеявшись, Квазимодо ушел, подволакивая ногу, а мы остались в компании Элоиса. Он хотя бы молчал. Первым пошевелился Чезаро, заметно, что ему было противно, но парень сделал шаг в сторону мертвого мужчины и прошёл мимо, скрывшись за небольшой дверью. Оставшиеся притихли, как и я.

Впервые после пробуждения меня взволновало несколько вопросов. Самый первый был о моих вещах, ведь в круг я вошёл с сумкой, а теперь её не было рядом и в пределах досягаемости. Не менее животрепещущим вопросом был вопрос уборной и ванны. И зверски хотелось переодеться после ночи, проведённой в одежде.

Осматриваясь, я не обнаружил ничего нового в комнате, кроме того, что четыре металлических тумбочки были закрыты, видимо ребята заняли себе места для хранения вещей, а на полке пятой валялась моя сумка, сиротливо свесив лямку вниз.

Скрипнула дверь, из-за которой показался Чезаро, парень привёл в порядок причёску и выглядел посвежевшим, и меня осенило. Там была ванная!

Наплевав на все законы приличий, на зомби и всю элитную нечисть, сидящую на кроватях, как несучки на жердочках, я прыгнул вниз, снова больно приземлился, зацепил сумку за лямку и влетел в ванную. Дверь за мной закрылась, снаружи слышалось проклятье.

Внутри комната напоминала стандартный санузел. Ванну без труда можно было опознать, она стояла на медных ногах почти посередине комнаты на возвышении из трёх ступенек, а вот унитаз я искал немного дольше. Он маскировался под затейливую медную вазу. Разобраться с управлением ванной было непросто, однако метод научного тыка и удачное стечение обстоятельств позволили мне выяснить, что вода «включается» хлопком в ладоши, а чем чаще хлопнешь подряд, тем она горячее. А вот выключалась она хлопком по борту ванны.

Понял я это, только когда пару раз ошпарился и чуть не залил всё вокруг. Переодевшись там же, я наконец почувствовал себя человеком.

Как только моя персона появилась в общей комнате, несколько злобных взглядов чуть не продырявили меня, ведь каждому хотелось с утра освежиться. Обе девушки бросились вместе в ванну, на ходу толкая друг друга локтями. Дис со вздохом слез с кровати, стараясь держаться как можно дальше от нового пахучего знакомого. Я его понимал, но любопытство заставило замереть напротив мертвеца.

В глазницах мужчины плавали бельма невидящих глаз, но под белой плёнкой едва светился колдовской огонь чужой воли. Заклятие опутывало гниющее тело с ног до головы, пульсировало в жилах, поддерживало подобие жизни и призрак разума.

Элоис ждал сигнала, покачиваясь из стороны в сторону. Он находился в покое, как компьютер в спящем режиме, пока никто не пошевелит мышкой.

Отчего-то мне было любопытно происходящее внутри этого гниющего куска плоти, я приблизился ещё на полшага, всматриваясь в хитрое плетение заклинания. Зомби резко повернулся, глядя абсолютно ясными полночно-синими глазами в мои.

– Подружился с ним? – вякнул под руку Чезаро, и я едва не взобрался на стену от страха. Глаза трупа потухли, он снова смотрел в пространство слепыми бельмами.

Наконец Дис покинул ванную комнату, ворча на нерасторопность девушек, и мы двинулись вслед за оживившимся проводником.

Мертвец уверенно шагал по первому этажу башни, а противный горбун куда-то запропастился, но это меня даже радовало. Вслед за Элоисом мы поднялись по ступеням в небольшой коридор, опоясывающий башню по периметру. Ряд дверей, обращенный внутрь строения, тянулся все вперёд и вперёд, но ушли мы недалеко. У восьмой двери зомби остановился. Наша компания нерешительно потопталась у входа, но когда створа открылась, пришлось войти.

Полутёмная комната освещалась только одной люстрой, в которой оплывал десяток свечей. Грубые деревянные столы стояли вокруг здоровенной птичьей жердочки. На толстой перекладине восседала гигантских размеров птица с чёрным оперением, и больше никого вокруг не было. Даже Элоис удалился.

Ребята расползлись за столы, пытаясь не показывать своей озадаченности, и только я стоял столбом, вглядываясь в антрацитовое оперение огромной пернатой. Если бы Дис сел на корточки и вжал голову в плечи, то был бы с этой птицей одного размера.

– Пришли, ученики, – раздалось с насеста, из-под чёрного крыла показалась длинная лысая шея, а на ней седая голова с уродливым женским лицом.

– Гарпия... – прошептал кто-то.

## Часть пятая. Учение – Тьма

– Не просто «гарпия», – рявкнула птицеженщина с насеста, распахивая огромные блестящие крылья, – а госпожа Элло! Очередная кучка недоумков на мою голову!

За чёрными перьями скрывалось белое, в каких-то серых подтеках, тощее женское туловище с крыльями вместо рук и голеньями, как у птицы. Хотя я и стоял дальше всех от неё, но вонь, которую источало существо, была смесью запаха тухлой рыбы, немытого тела и деревенского сортира. Это было самое ароматное утро в моей жизни. Моя компания старалась не реагировать на дикое амбре, но правдоподобно мимикрировать получалось только у Чезаро. Все нерешительно молчали, гарпия топорила перья, а я словно падал в глубокий колодец.

Комната стремительно удалялась, меня обступала тьма. Из мрака сначала доносились лишь звуки, похожие на морской прибой, но с каждой секундой они становились отчётливее, и я понял, что это не шум волн, а человеческие крики. Они раздавались громче и тише, смешиваясь с ужасными воплями ярости. Потом проступила картинка.

Я не люблю кровопролитие. Редко смотрел ужастики и боевики, однако документалок про войны мне хватило, чтобы иметь представление о жестокости. Но то, что предстало глазам, не сравнится ни с одной голливудской фантазией, ни с одним жестоким видением маньяка. На камнях голого острова, распластавшись, лежали тела людей. Их лица были обезображены смертельной мукой, пальцы скрючены, повсюду кровь и внутренности. Над камнями, щедро окропленными кровью, летали гарпии, терзая ещё кричащую добычу прямо в воздухе. Если бы я мог закрыть глаза или отвернуться, то сделал бы это, но видение разворачивалось будто внутри моей головы.

Свет заслонили чёрные крылья, на меня летела еще молодая, вся в крови, Элло, между острых зубов её трепетало человеческое сердце, и кровь толчками лилась на грудь женщины-птицы. Всё померкло, я хлопнул глазами и понял, что времени прошло совсем немного.

– Вы там были, – вырвалось у меня против воли, – терзали воинов... Крали детей, убивали жён. Кровавая жатва сил, которые были ещё до богов.

Все уставились на меня, как на Элоиса, когда тот появился у нас в комнате. Кажется, я не рассчитал громкость. Страшнее всего было поднять голову и посмотреть на гарпию. Потому я этого не сделал, хватило недоуменных взоров будущих чародеев.

– Ты прав, – скрипуче протянула наша пахучая преподавательница (в чём я уже не сомневался). – Это были лучшие времена. Не то, что сейчас, когда я вынуждена искать укрытия под крылом у некроманта и учить вас. Темой первого урока будет гнев! И как его использовать на благо магии. Вы все – будущие тёмные маги, опора мировой тьмы, вы будете приносить дары богам и, может, даже вернёте им былую силу.

Гарпия приподнялась на своём насесте, растопырила крылья, воздела морщинистое лицо к потолку. Сейчас она была как никогда жалкой, в попытке выглядеть величественно. Но зерно истины в её словах я смог уловить.

– Рассаживайтесь, я хочу видеть вас всех, – Элло поглядела на меня как-то внимательно, с кривой улыбкой, в которой был намёк на тепло, – как тебя зовут, бледный?

– М-меня? – голосовые связки отказывались участвовать в диалоге, приходилось их заставлять.

– Тебя, тебя, – закивала тощей облезлой шеей гарпия.

– Альберт...

– И всё? – гарпия свесилась с насеста, мне показалось, что одна из её обвисших грудей чуть не коснулась моего лба.

– А что, должно быть длинное прозвище? Или громкая фамилия? – я снова начинал звиздеть от страха. – Просто Альберт.

Пришлось пройти и сесть, чтобы не привлекать лишнего внимания. Даже высокомерный Дис посмотрел в мою сторону как-то с уважением, наверное. Завалившись на скамейку за одну из грубых парт, я постарался слиться с окружением.

– Чезаро Борхис, – прокрипела гарпия, глядя, как парень ёрзает на своём месте, – о тебе и твоих предках ходят разные слухи. Ты должно быть необыкновенно одарён.

Больше никому не досталось от суровой птицеженщины ни слова. Остальные молча сидели, но Митридель казалась особенно обиженной, что её не отметили. Девушка злобно сверкнула глазами в мою сторону, по позвоночнику будто ёж скатился! Оставалось надеяться, что всё это плод моего воображения, кошмар или шутка, что всё ещё поправимо, и я смогу занять в этом обществе ступень хоть немного выше, чем обычно.

– Гнев, – надтреснутый голос гарпии разбилась о своды невысокого потолка, – это одна из самых мощных эмоций, которую может породить живая душа! Его нужно контролировать, его нужно направлять, им нужно владеть, чтобы получить результат. Сильнее гнева могут разрушать лишь два чувства, – она замерла, перегнувшись к нам, сидящим внизу, – ненависть и любовь. Но пока нам нужен гнев.

– А заклинания, волшебные палочки или кольца... этого не будет? – ляпнул я, забыв о желании забиться в тень.

Гарпия даже не удостоила меня ответом, только выпучила мутные глаза и скривилась так, будто заговорила кучка её помета.

– Ты совсем кретин, бледный? – за птицеженщину проговорила Митридель, презрительно глядя в мою сторону, но не на меня. – Все эти приспособления нужны низшим магам-лентаям, которые не могут направить волю и сконцентрировать силу. Высшие маги, – она задрала точёный подбородок, – творят с помощью мыслеформы.

– Достаточно! – оборвала девицу Элло. – Всё верно, но многое надо постичь, прежде чем вы сможете с помощью мысли поднять хоть пылинку! Так что слушать меня внимательно! А глупые вопросы оставьте при себе, чтобы искать на них ответы после моих лекций.

Следующие два часа мы только и делали, что старались разгневаться. Кажется, у Митры и Диса это получалось лучше всего, они кипели, как два чайника, только вот похвалы от пернатой училки не дождались. Их гнев был слишком хаотичен и бесконтролен. Сули не могла разозлиться вовсе, как бы её ни бранила гарпия, я вообще не мог понять, что эта уравновешенная, спокойная и такая мягкая девушка делает в башне тёмной магии. Хотя, кажется, она попала сюда, как и я, случайно, зла или надменности в ней не было ни на грамм.

Вокруг Чезаро птицедева долго ходила, едва не принюхивалась. Меня даже передёрнуло от омерзения. Парень закрыл глаза и казался неподвижным и спокойным на первый взгляд. Но рядом с ним становилось не по себе, волоски на коже вставали дыбом, и казалось, что в воздухе накапливается невиданной мощи заряд электричества.

У меня с гневом дела вообще обстояли скверно. Привычно было стискивать зубы, проглатывать оскорбления и угрозы. Привычно быть не таким, лузером, которого все готовы закидать дерьмом. Я давно ни на кого не злился и не собирался. Да и как можно психануть, если рядом столько отвратительных запахов, которые мешают думать, а над ухом, как хриплый комар, зудит гарпия? Оставалось только вздыхать. Фыркнув, Элло отошла от меня, как хозяйка от сгоревшего пирога.

– Свободны! – рявкнула пернатая, взлетая на свой насест. – Чтобы к завтрашнему занятию вы могли хотя бы осознать свою злость!

Элло замолкла, сунув голову под крыло. Мы с облегчением вздохнули и потянулись к двери. Не успело обоняние расслабиться и забыть запах древней гарпии, как из-за угла потянуло гнилым мясом, и Элоис, пошатываясь, доковылял до нас и стал медленно махать в сторону коридора. Жутко было не то, что мужчина чудом не разваливался на гниющие куски, а то, что лицо, незрячие глаза – всё застыло, как у безобразной куклы.

Почему-то мне было жаль этот остов человека, но не уверен, что он мог что-то чувствовать. В животе у Сули заурчало, девушка вздрогнула, Дис ей криво улыбнулся. Но Элоис был непреклонен, он подошёл чуть ближе и схватил первого попавшегося за руку. Конечно, меня!

Сразу же послышались смешки, даже Чезаро улыбнулся сквозь гримасу омерзения, а я пытался побороть панику. Холодные твёрдые пальцы зомби стискивали моё запястье до боли, вокруг витала вонь невыносимая, аж голова кружилась, настырный живой труп тащил меня по коридору, а следом топали мои, наверное, сокурсники и ржали на разные лады. Appetit мне отбило однозначно, обоняние тоже. Элоис отпустил мою руку только у очередной двери, по форме и цвету напоминающей гроб.

Запястье было, наконец, свободно, я с досадой взглянул на наливающийся синевой след и в очередной раз проклял свою тонкую кожу. Зомби распахнул дверь в кабинет и остался снаружи.

А внутри была непроглядная тьма.

Мы снова стояли на пороге, прислушиваясь к тому, что может ждать нас там, только Дис, щёгольски сверкнув серьгой в ухе, прошёл мимо, погружаясь в темноту.

– Чёртов мимер, – Митридель что-то усиленно растирала на пальце, а через секунду крошечный огонёк засветился на руке девушки.

Освещая камнем в кольце небольшой участок пола под ногами, она ушла во тьму. Отчего-то мне припомнилась её фраза про лентяев-магов, которые не могут обходиться без вспомогательных средств, и на лицо напозла тень гадкой улыбки. Чезаро не терял времени даром и, пока я разглядывал темноволосую злюку, сотворил себе что-то вроде фонарика, только луч света бил прямо из ладони. Мы с Сули остались вдвоём.

Девушка принялась рыться в недрах своей сумки, которую она не снимала всё это время с плеча, а меня терзал вопрос.

– Сули, а кто такой «мимер»? – осторожно обратился я к сокурснице.

– Помесь эльфийской и демонической крови, – буркнула под нос девушка, пытаясь, казалось, по пояс влезть в свою сумку, – они видят в темноте так же хорошо, как на свету. Вот же!

На худенькой ладони перекатывались три жёлтые свечи. Она выбрала одну и остальные убрала в сумку, огонёк на фитиле зажёгся сам, стоило Сули обхватить тонкую восковую палочку. Она ушла во мрак, а я остался один. Спросить о значении слова у меня хватило смелости, а вот попросить свечу – нет. Когда-то я ужасно боялся темноты, воображение рисовало всякие кошмары. Пока не узнал, что опасна не сама темнота. Пугает неизвестность. На свету происходят вещи гораздо более ужасные.

Собрав в кулак все свои жалкие силы, я, простояв перед дверью еще минут пять, шагнул во тьму наощупь, выставив вперёд руки. Ощущение стен и потолка пришло через несколько шагов, словно я всегда был слеп, но по звуку угадывал, что впереди нагромождение предметов. Тихая переключка голосов свидетельствовала о диалоге между ребятами и кем-то ещё посторонним. Бледные огни, светящиеся у Чезаро, Митридель и Сули очень скоро стали ориентиром, но прежде, чем я достиг рядов лавок без столов, над головой раздался вкрадчивый низкий голос.

– Здравствуй, бледный юноша, – бархатный баритон лился клейкой патокой с потолка прямо мне в уши, – ты единственный, кто не испугался войти во тьму, не опираясь на зрение. Ты отважный или глупый?

– Я просто хотел... войти, – мне было стыдно признаваться в том, что просто не хочу отставать от общей толпы.

– И ты вошёл, несмотря на то, что не видишь ни зги и не имеешь возможности осветить себе путь, – интонации были едва уловимы, голос казался то удивлённым, то насмешливым. – Так ты глупец или храбрец?

– Я Альберт, – только и оставалось проронить мне прежде, чем шагнуть в круг слитного света нескольких огоньков.

Голос исчез, остался за пределами освещённого круга, словно не очень любил этот источник жизни. Когда я появился рядом, ребята оборвали тихие переговоры, Митридель даже вздрогнула, увидев меня. Пришлось занять единственное свободное место, хоть как-то попадающее в световое пятно, оказавшись слева от Чезаро. Воцарилась тишина.

– Все в сборе, – донеслось из глубины комнаты, и магические светильники разом погасли, – даже не представляете, до чего я рад вас всех видеть, хоть вы меня вряд ли можете. Ученики, прежде всего вы должны понять, что ваше учение – тьма. И вы обязаны привыкнуть к ней. Господин Дис, не напрягайтесь так, а то глаза лопнут. Леди Митридель, не нужно так пугаться, я вас не съем, по крайней мере, прямо сейчас. Господин Борхис, леди Сули... И Альберт. Вы все сегодня должны научиться доверять своим чувствам.

После этого нас оставили в тишине и кромешной тьме. Я слышал, как пыхтит остроухий Дис и как ругается зазнайка с тёмными глазами. Ровное и уверенное дыхание слева говорило о том, что Чезаро не боится или делает вид, что это так. Сули вообще словно исчезла.

Обычно в темноте происходили не самые хорошие вещи, но моя бытность в приюте сыграла на руку. Даже самые хамоватые задиры боялись ночи... и меня. Образ привидения закрепился за белёсым мальчиком, приклеился, как жвачка к волосам, потому если Альберт шёл ночью в туалет, то ни у кого даже пальца из-под одеяла не торчало. Потому к темноте я относился прекрасно, можно сказать, я с ней на «ты».

Скоро глаза привыкли к мраку, стали улавливать движения, отблески в зрачках моих сокурсников, над нами был кто-то, это ощущалось, как лёгкий холод на плечах. Пришлось задрать лицо к потолку, присматриваясь.

Дальше мой мозг выдал «синий экран» и завис. Если меня не обманывало ночное зрение, то на потолке стоял человек. На потолке. Стоял. Бледный, очень светлые волосы. Он смотрел на нас сквозь свисающие вниз длинные пряди внимательно, как кошка на мышей. Летучая кошка.

– Это ещё кто? – тихие слова вырвались случайно, прозвучали, как гром в тишине. Снова.

– Видишь меня, – вкрадчивый голос исходил от этого висячего человека, который вдруг перетёк с наблюдательного поста на потолке на пяточок пола недалеко от нашего стола.

Ребята повернулись на голос, судя по шороху одежды. Но хитрый препод уже переместился абсолютно бесшумно куда-то за пределы досягаемости ночного зрения. Одно его выдавало – холод. Я словно стоял лицом к морозилке, из которой на меня пялился недружелюбный настороженный пельмень. Эта ассоциация позабавила меня и позволила улыбнуться, несмотря на то, что ситуация в целом была довольно напряжённой.

– Итак, господа и дамы, – прозвучал голос холодильника, отражаясь эхом от стен и потолка, – сейчас мы будем оттачивать ваше доверие нашей первородной стихии – темноте.

\*\*\*

Спустя часов пять мы вышли из последнего на сегодня кабинета. Хотелось не есть, хотелось жрать, в этом призналась даже гордая Митридель. Правда, в обществе ароматного гида голодные спазмы желудка потихоньку перетекали в рвотные позывы. Мы еле донесли ноги до своей общей комнаты.

Элоис, убедившись в том, что мы заняли свои места, удалился, покачиваясь. Только сейчас я заметил, что на каждой кровати стоит деревянный грубый поднос, похожий на кусок засаленной доски, а на них стояли тарелки с чем-то, лежали какие-то приборы.

– Кажется, кто-то всё же решил позаботиться о том, чтобы мы не умерли с голода, – в голосе Чезаро слышались саркастичные нотки, и я мысленно подписался. – Посмотрим, чем нас накормят.

Остальные без вступительных речей залезли на свои спальные места и разобрали еду на подносах.

– Ну и гадость, – фыркнула Митридель, облизывая ложку. Девушка наверняка привыкла к изысканным блюдам, но с голодухи пала ниже серебряных приборов и рябчиков с ананасами.

А мне овощное рагу с каким-то мягким мясом показалось очень даже шикарным. Серый хлеб не вызывал претензий, даже чай в стакане был неплох, лучше, чем в приютской столовой. Дис молча жевал, периодически пофыркивая в тарелку, Сули не проронила ни слова. Чезаро ковырял ложкой в блюде, словно думал о чём-то и не был голоден.

После ужина мы, не зная куда девать посуду, отложили все подносы в одну стопку на стол у стены и расползлись обратно по кроватям. Клонило в сон, я дотянулся до светильника над головой и затушил свечу, погрузив свою койку в тень. Сон сморил меня почти мгновенно, едва я успел скинуть с себя одежду, забравшись под одеяло.

Провал в темноту сменился картинками, которые мне были малоприятны. Надо мной простиралась темнота, которая потихоньку серела. Я узнавал прорисовывающиеся окрестности – это было городское кладбище, на которое мы приходили несколько раз навестить могилу дяди одного из моих отцов. И теперь я неподвижно лежал, а надо мной, склонив скорбные лица, стояли Алекс и Рома.

– Он мог стать знаменитым, прекрасной моделью, – всхлипывая, вздыхал Ромашка, – чудесным актером.

– И мы бы смогли найти ему хорошего парня, – рокотал Алекс, опуская ладонь на плечо своего мужчины.

Я хотел закричать, выбраться оттуда и сказать им, что ни за что не буду таким, как они. Руки царапали обивку гроба и доски. Я проснулся.

## Часть шестая. Тайна Башни

Путаясь в простынях, я подскочил на кровати. Все светильники были погашены, ребята спали, устав после сегодняшнего «учения». А ведь нам так ничего толкового и не рассказали на этих занятиях.

Я не мог лежать в кровати, захотелось встать и пройтись, словно под кожей чесались онемевшие мышцы. Пришлось одеваться, ворочаясь, как червяк на простынях, потом спускаться аккуратно, стараясь никого не разбудить.

Принюхавшись у двери, я понял, что Элоис, видимо, тоже отдыхает. Можно было спокойно обследовать башню. Я выбрался из комнаты, осматривая коридоры. Всё выглядело, как декорация к страшной сказке: тёмный камень в потёках воска, холодные стены, странные скрипы вокруг, словно башня ходуном ходит.

Безумно хотелось пойти на самый верх, посмотреть, можно ли выбраться на крышу. Этот мир другой, и в глубине души разрастался интерес ко всему, что в нём происходит. Я довольно быстро нашёл широкие ступени, ведущие вверх, и принялся подниматься, считая про себя шаги.

– Сто пятьдесят один...

Слева кто-то быстро приближался, неровная походка, горбатый силуэт в балахоне, мелькающий в жёлтых пятнах свечного сияния... Опять этот Квазиморда портит мне прогулку! Совершенно не хотелось встречаться ночью с жутким горбуном, терпеть его издёвки, ведь неизвестно, что у него на уме. Я стал озираться по сторонам. Чем ближе подходил уродец, тем быстрее билось сердце, паника вцепилась в лёгкие стальными капканами, делая каждый вдох мучительным, а выдох болезненным.

Пока мой ночной кошмар не поднимал головы, но это могло случиться в любую секунду, а я всё не видел укромного угла, который мог бы скрыть слишком яркую для этого мрачного места внешность. На другой стороне коридора что-то шевельнулось. Гобелен, висящий на стене, дёрнулся на сквозняке, обнажая нишу. Горбун уронил связку ключей, она грохнула об пол, словно на доски вывалили вагон железного лома. Подскочив, уродец принялся ругаться и, кряхтя, наклонился.

Я одним прыжком пересёк освещённое пространство, дёрнул ткань и затаился в нише, как суслик в норе. Хотелось исчезнуть, сквозь землю провалиться, лишь бы этот чёртов хромоногий пучок геморроидальных шишек меня не заметил. Но, как назло, отвратительный фрик застыл напротив моего укрытия, озираясь вокруг, как шакал, почуявший падаль.

«Чтоб тебе с места не сойти-и-и-и...» – подумал я и почувствовал, как пол под ногами исчез, а тело летит вниз с дикой скоростью, как слетевший с рельсов в пропасть поезд. В такие моменты человек должен орать, паниковать, хвататься за всё подряд, в надежде замедлить падение и спасти жизнь. А я тупил и гадал: больно будет в конце полёта?

Тело резко встряхнуло, будто кто-то остановил падающий лифт, и я, как дурной персонаж мультика, замер на месте, ощущая, что душа сначала проваливается дальше вместе с желудком, а потом возвращается с размаху в тело через не пойми какое отверстие. Ноги висели в паре сантиметров от пола, стоило только шевельнуть ими вниз, и неведомый лифт шмякнул меня оземь с мизерной высоты, аж пятки загудели. Хотелось ругаться, в голове промелькивали слова, от которых у Ромашки встали бы дыбом волосы.

Но прежде чем вся эта гадость вывалилась из рта, я осмотрелся и проглотил ком из ругательств. Абсолютно круглая комната освещалась свечами, фонариками и лампами, вверх, сколько было возможно рассмотреть, простирались книжные полки, уставленные фолиантами. Для моего воспалённого любопытства это была мекка знаний.

Мозг ещё думал, какую бы книгу первой прочесть, но загребушие ручонки уже тянулись к ближайшей.

– Опомнись, безумец, – заорал кто-то на весь книжный колодец дурным голосом, аж пыль посыпалась, – тронув хоть один фолиант, ты обречёшь себя на вечные страдания! Випфел проклянёт тебя!

Всё смолкло, только пылинки, кружась, липли мне на нос. Голос исходил со всех сторон сразу, внезапно возник и так же внезапно замолк. Соображения по этому поводу были однозначными.

– Чёртова сигнализация, – я воровато оглянулся по сторонам и ткнул в ближайший корешок пальцем. Небо не рухнуло, я не превратился в пень. – Вот шельма, напугал!

От облегчения я настолько расслабился, что цапнув книжку, упал в глубокое кресло посередине комнаты. Вот тут и случилось страшное. Книг как не бывало, будто кто-то сдул рисунок в пыли, на полках под колпаками и на поставках стояли и лежали человеческие руки. И шевелились, как живые.

Я бы поседел, если бы мог. А вот сердце решило на секунду, что с него хватит, когда «книга» в моей руке постучала маникюром мне по ладони. Истерики не было только по причине шока вселенского масштаба.

Я держал женскую кисть, отрезанную чуть дальше запястья. На тонких пальцах красовалась пара колец, ногти выкрашены в синий цвет, рука деловито щекотала мне ладонь. Стоило только внимательнее к ней присмотреться, как конечность окончательно оживилась, перевернулась линиями вверх, и мир вокруг качнулся.

Я видел жизнь колдуньи с иссиня-чёрными волосами, которая дробно, как в разорванном комиксе, крутилась перед моим взором. Вот владелица кисти взмахивает жезлом и поднимается армия мёртвых, они идут на штурм замка. Вот девушка ловко околдовывает заклинанием красавца во фраке, по виду сушью нежить, и кружится с ним в вальсе по большой зале.

Всё скомкалось, я пришёл в чувство от ощущения перемещения. Комната вращалась, как огромная шестерёнка, вокруг своей оси. Под полом и в стенах клацали механизмы, приводя в движение не только это помещение, но как оказалось, и соседние – такие же круглые, полные рук. Множество комнат повернулось друг к другу проходами, образовав один большой зал.

– Ну ох... – вырвалось у меня, но движение в глубине заставило меня закрыть рот ладонью.

Кто-то ходил среди полок, аккуратно касаясь тех или иных экспонатов. Человек явно чувствовал себя спокойно среди обрубков конечностей. По понятным причинам я не очень хотел, чтобы меня тут засекли, всё здесь принадлежало Ингефорцу, помещение было скрыто от глаз, значит, маг не очень хотел, чтобы по нему бродили любопытные ученики в свободное время. Да и о праве неизвестного находиться здесь невольно возникали вопросы.

Я сполз с кресла и забился под один из столов, стоящих в комнате. Непрошенный гость подошёл поближе, мне удалось рассмотреть мужчину, попавшего в пятно света. Невысокий, лысеющий с благообразной внешностью, он не вписывался во мрак этого места. На нём так хорошо сидел коричневый пиджак старого кроя, что казалось, будто он вышел из английского салона прогуляться и затерялся между мирами. Джентльмен неспешно двигался вдоль рядов пугающей коллекции и, судя по шевелящимся губам, что-то негромко бормотал.

По мере приближения его к моему укрытию, я все чётче различал слова.

– Мизрабелл, Мизрабелл, куда же ты его дел, Вильгельм? – шептал мягким голосом неуместный в антураже мрачной башни незнакомец. – Неужели ты уже впитал эту жизнь, поглотил мощь?

Пройдя полукругом по всему помещению, он замер у одной из полок, глядя вверх. Мне было не видно, что там узрел вторженец, но явно что-то, что он хотел бы иметь. Мне было заметно, как скрючились его холёные пальцы, как побагровела кожа на руках.

– Вот она где, чёрт тебя возьми, Ингефорц! – прошипел злобно этот якобы англичанин.

Некоторое время мужчина топтался у полок, в бессилии расхаживая туда и сюда. Он задирает голову, фыркает и сыплет проклятиями на весь род величественного некроманта. От любопытства я готов был лопнуть, но очень не хотел выдавать звуком взрыва своё укрытие. Не думаю, что незнакомец отнёсся бы ко мне снисходительно и проводил бы до кровати.

И тут я понял, что не знаю, как выйти из этого рукастого хранилища. Перспектива блуждать по тайным переходам и вывалиться в спальню Марселя или вовсе сгинуть в каком-то неизвестном измерении совершенно меня не обрадовала. Как и быть найденным здесь, в тайнике Магистра. Теперь я наблюдал за джентльменом с удвоенным интересом: он знал, как сюда пройти, значит, знал и выход.

Пришлось ждать, пока господин профыркается, от души выскажется и пойдёт, наконец, прочь. Колени затекли, хотелось пить. Рука, которую я до сих пор держал, заскучала и начала меня тискать где попало. Пару раз я чуть не вскрикнул, ведь она меня ухватила весьма точно и за очень чувствительное место. Волшебница оставалась шалуньей и после смерти.

Я уже почти спал, когда мимо прогрохотали шаги раздражённого мужчины, удаляющиеся от вождя предмета. Как бы не хотелось мне взглянуть на источник ярости, пришлось отложить эту идею, чтобы не потерять из виду свой психующий путеводитель. Я второпях сунул руку магички предположительно на её полку, оглянувшись на хранилище странных артефактов и старался аккуратно следовать за удаляющимися ругательствами. Полагаться приходилось только на слух, в полутьме мало что получалось разглядеть. Залы кончились, всё свелось к одному широкому коридору, в котором из-за множества поворотов ориентироваться было довольно тяжело. Если бы не чертыхания и вечные жалобы на Великого Вирма, я бы нашёл только проблемы на свою белобрысую голову.

Коридор вывел нас к единственной большой двери. Незнакомец отворил её и свежий ночной воздух ненадолго разгулялся по внутреннему пространству башни, срывая паутину. В проёме мелькнул лоскут звёздного неба, душа моя возрадовалась – это был выход на крышу! Пришлось задержаться немного, чтобы гневный аристократ ушёл как можно дальше, а потом уже выбираться из прохода.

Ночь клонила к закату, судя по свежести воздуха, луны и след простыл, да и была ли она? Чёрт его знает, этот волшебный мир! На крыше башни задувало так, что я пожалел о желании выйти сюда. Ветер почти сорвал меня со скользкой черепицы, по которой я, как по льду, покатился к краю, едва не рухнув. Зато с избытком наслаждался видом туманной бездны под ногами, в которой землю было не угадать. Получив адреналина в сердце за одну ночь столько, что он лез из всех щелей, я не без труда нашёл спуск и чуть ли не галопом бросился вниз. Как ни странно, но двери, ведущей в потайное хранилище рук, я не увидел.

Башня просыпалась, в коридорах слышалась возня со всех сторон. Мне совершенно не улыбалось встретиться с кем-то по пути и получить порцию вопросов. Но, как я не прятался, вместе с ночью свалила и моя удача. Где-то на середине спуска, когда я незаметно, как мне казалось, вышел из-за поворота и бросился под укрытие большого шкафа, на моё плечо легла твёрдая холодная ладонь.

Ощущение, что мне в кишечник через задний проход загнали холодный лом, было непередаваемо. Внутри всё скрутило, я забыл о дыхании, речевом и двигательном аппарате, отнялся даже мозг. Весь организм сигнализировал об опасности, ведь за моей спиной стоял ни кто иной, как Вильгельм Ингефорц собственной персоной. Я боялся его безотчётно на уровне инстинктов.

Сильная рука развернула мою статую к себе лицом, и его тёмные глаза просверлили мне череп и душу. Хотелось бежать, исчезнуть, превратиться в кактус, лишь бы только не стоять сейчас и здесь. На правильном лице хозяина башни появилась хитрая полуулыбка, он, казалось, всё знал.

– Ранняя пташка, Альберт? – некромант явно издевался, рассматривая моё лицо. Для пушного эффекта Вильгельм взял меня за подбородок длинными твёрдыми пальцами, наклонился, впиваясь своими жуткими глазами. – Нет, судя по виду ты, скорее припозднившаяся сова. Сова, которая что-то пытается скрыть. Поделишься секретами?

– Во-первых, – оцепенение прошло, как только маг дотронулся до моего лица, теперь мной владел гнев. Элло была бы в восторге, – отпустите мой клюв, а во-вторых, моё дело – куда и зачем я хожу среди ночи!

Пришлось порядком напрячь шею, чтобы вырваться из цепкого захвата. Сколько яйщиц бы сейчас ругали меня нехорошими словами! Классический момент из какой-нибудь гейманги, тьфу! Следующим шагом было отступление, которое я успешно завершил у стены, стукнувшись об неё затылком, но сурового вида оскорблённой невинности не потерял. Ингефорц тоже, видимо, понял, что попал в какую-то дурацкую ситуацию, маг выглядел немного растерянно, но всего секунду. Вильгельм сделал шаг по коридору мимо меня.

– Юноша, это моя башня и ни у кого не должно быть от меня секретов, – он ещё раз окинул меня подозрительным взглядом с расстояния пары шагов, – со временем и вы мне всё расскажете. Надеюсь, добровольно.

Он ушёл, а я остался стоять у стены. Все мышцы расслабились, голова закружилась, колени начали подгибаться, пришлось собрать остаток сил и кое-как доползти до своей комнаты. Уже на рассвете я забрался на кровать, рухнул на жёсткий матрас и забылся сном. Правда ненадолго. Прохладная рука легла на мой лоб, пришлось проснуться. Сули стояла рядом с кроватью и аккуратно перебирала мои волосы, внимательно разглядывая лицо. Я опять был ужасно смущён.

– Вставай, – тихо сказала она, отходя, – скоро придёт этот противный зомби, а ты ещё не завтракал.

– Спасибо, – только и оставалось сказать мне.

Тело болело, голова раскалывалась, а во рту было сухо. На краю кровати стоял знакомый деревянный поднос, а в большую голову стукнула мысль, что эту еду могли готовить зомби, роняя гниющую плоть в чан. Но даже это не испортило аппетит, хотя в горло кусок протискивался с трудом. А когда появился Элоис, она и вовсе попросилась обратно, но я не пустил.

В сопровождении ходячего мертвеца мы опять поднялись на знакомый этаж, где первый урок был в кабинете, полном странных приборов и вещей, как в лавке старьёвщика. Навстречу нам вышел мужчина с аккуратной причёской, в костюме по фигуре, с ухоженным гладким лицом. Все видели его впервые, но не я.

– Здравствуйте, студенты, – проговорил он степенно, осматривая нашу небольшую компанию, – у меня вы будете изучать познание вспомогательных, но необходимых для любого мага вещей – талисманов, артефактов, жезлов, палочек и прочего магического инвентаря. Проходите и занимайте понравившиеся места.

Митридель уселась за первый попавшийся стол, рядом уместился Дис, который, видимо, решил строить глазки неприступной гордычке, на соседнем стуле притихла Сули, которая изредка бросала на меня странные взгляды. Я постарался сесть подальше ото всех, но к моему удивлению рядом со мной уселся Чезаро, сложив локти на крышку стола. Вид у него был усталый, невыспавшийся. Видимо, не только у меня были секреты. На преподавателя, раскладывающего диковинки перед нашими лицами, он глядел с тоской и одним желанием: послать его отдыхать. Меня подмывало расспросить его обо всём, вдруг Чезаро следил за мной, но начался урок и внимание на себя обратил мой недавний знакомый.

– Меня зовут мистер Алистер, большего вам знать и не нужно, – спокойно начал маг, прохаживаясь в круге из столов, – начнём!

## Часть седьмая. Легенда

Лекция на тему применения обычных предметов в магических целях была увлекательной, практическая часть интересной, но, кажется, только для меня. Возникло столько вопросов, что господин Алистер не отворачивался от моего стола, пристально рассматривая жадного до знания студента. Остальным большая часть того, что вызывало во мне восторг, была известна, потому ребята фыркали или закатывали глаза, слыша очередной мой вопрос.

После лекции, когда азарт наконец-то улёгся, а все уже вышли вслед за Элоисом на следующий урок, Чезаро схватил меня за рукав, оторвав от созерцания странных приспособлений на преподавательском столе. Протащив меня по коридору до ближайшего закутка, аристократ осмотрелся по сторонам и, наконец, соизволил что-то прояснить.

– Я видел вас с магистром утром, – его голос звучал заинтересованно, но лицо было безучастно-вежливым, – о чём вы говорили? Да ещё и так тихо, словно хотели, чтобы вас не заметили.

Второй раз за несколько часов в моё личное пространство, которое я ценил больше, чем свои мозги, обе руки и обе ноги, вторгались самым бесцеремонным образом. И сейчас на расстоянии десяти сантиметров от меня нависал Чезаро, неизвестно на что намекал и вообще какого-то хрена следил за мной. Это взбесило больше всего.

– Чез, а это твоё вообще дело, чем и с кем я занимаюсь? – пришлось сделать шаг вперёд и почти упереться лбом в его подбородок. – Зачем ты следил за мной?

– Не горячись, приятель, – маг вскинул обе руки, отступил на шаг, увеличивая расстояние между нами к великому удовольствию моей нервной системы. – Я довольно много знаю о прошлом Игнефорца. Моя семья с ним не в ладах давно, так что я наслушался о подвигах магистра с детства. Ты – душа простая, боюсь, что он может использовать твою несмышлёность в своих целях. Прости, но ведь это так. Парень из другого мира, который не знает о делах, что здесь творятся веками – идеальный объект для управления.

Борхис сделал приглашающий жест, ребята ушли далеко, надо было догонять, разговор продолжили на ходу.

– С чего такая, забота, Чезаро? – я не верил во внезапно прорезавшийся альтруизм мага. – Мне казалось, что здесь кто сильнее, тот и ест того, кто слабее.

– Ты слишком однобоко судишь, – аристократ покачал головой, убрал упавшую на лицо прядь, от этого жеста меня прямо покорило. Слишком картинный. – Не все маги такие, как Митридель или Дис. Она выросла в семье потомственных ведьм, он воспитывался на осознании собственной особенности из-за смещения рас. Я и Сули не хотим тебе зла, разве не видно?

– Прости, – с души упал огромный кирпич, стало легче, – привык во всём видеть подвох, ведь в этом мой мир мало отличается от вашего. А почему твоя семья не ладит с Ингефорцем?

– Длинная история, – вздохнул маг, я заметил, как сжались его губы, как сверкнувшие глаза прикрылись веками. – Давай я расскажу тебе её после занятий?

– Идёт, – мы нагнали остальных, поймали заинтересованный взгляд от Сули и фунт презрения от Митридель, – тогда всё и обсудим.

Учёба потекла дальше со скоростью улитки, нам снова втолковывали пространные мысли, расплывчатые понятия. Но, кроме кучи странных законов, которые нарушали любые законы здравого смысла, сегодня мы получили ещё и домашку. Каждый преподаватель посчитал своим долгом задать нам чтение на неделю. Вечером все в комнате жаловались, тыкая пальцами в записи, ведь на втором уроке нам выдали в нагрузку небольшой ежедневник в деревянном переплёте.

– Это невозможно! – Дис зашвырнул книжицу в угол, гневно дёрнув себя за серьгу.

– Я в библиотеку, – мне не терпелось отделаться от остальных, мы с Чезаро обменялись мимолётным взглядами.

– Я с тобой, нужны книги, иначе та же Элло нас с потрохами сожрёт, – кивнул аристократ и махнул мне рукой, – ты знаешь, где тут хранилище знаний?

– Знаю одно, – тихо поделился я, оглянувшись на удаляющуюся дверь комнаты, – только там не книги, а руки.

– Руки? – Борхис замер на секунду, но быстро вернул себе самообладание. – Это очень старая легенда, которая, как мне казалось, суцая выдумка, основанная на каких-то страшных событиях.

– Что за легенда? – меня раздирало любопытство.

– Сначала надо бы библиотеку найти, а потом рассказывать, – отмахнулся Чезаро.

– Кажется, я знаю, кто нас проводит, – из-за угла потянуло знакомым запахом гниющей плоти. Элоис был единственным зомби в башне, как я понял, потому был уверен, что это именно он «благоухает». – Привет, Элоис, где библиотека?

– Ты уверен, что он может тебе что-то ответить? – с сомнением спросил аристократ, глядя в стеклянные глаза зомби.

Я не знал, услышал ли меня оживший мертвец, понял ли, но он развернулся и довольно быстро двинул в сторону широкого бокового прохода. На повороте он замер и оглянулся. Нам ничего не оставалось, как пойти следом.

Оказалось, что Элоис прекрасно знал устройство башни, он хорошо ориентировался в пространстве и скоро привёл нас к тёмным дверям, у которых и замер.

– Пришли? – спросил Чезаро, я заглянул за дверь и увидел полки, забитые книгами, множество стеллажей и столов, освещённых свечами.

– Да. Спасибо, Элоис! – зомби молча развернулся и медленно поковылял по своим делам.

– Удивительная чертовщина, – поразился Чезаро, глядя в спину зомби. – Как у тебя это получается?

– Влипнуть в неприятности? С лёгкостью, – мне мгновенно вспомнилась вся жизнь, похожая на одну большую неприятность, – это врождённый дар.

– Не самый лучший, – Чез открыл двери в библиотеку, но приостановился, – но я про другое. Ты увидел суть Элло, разглядел повелителя темноты, тебя понимает Элоис и магистр явно видит в тебе что-то... особое.

– Брехня, все могут, – мне оставалось только отмахнуться от доводов и пропихнуть Борхиса внутрь, – ты просто недостаточно пытался.

– Что пытался? – аристократ улыбался, оглядываясь через плечо. – Рассмотреть суть или понравится магистру?

– Иди ты... К чёрту на рога! – начало бесить это постоянное напоминание.

Под смех отпрыска богатой магической семьи я вошёл, наконец, в библиотеку, бурча, как кладбищенский сторож с похмелья. В огромном помещении было душно, летала пыль, а главное – нихрена не понятно. Наученный всякими книгами и фильмами я принялся искать сгорбленного седого старика, заведующего этим местом упокоения природных материалов. Чезаро мою мысль понял и тоже стал озираться по сторонам. Голос подавать не хотелось, словно можно было разрушить громким звуком прекрасную сонную тишину этого места.

Мы с товарищем разошлись в разные стороны, встретились у стола с формулярами, папками и книгами, но хозяина добра не было поблизости. Поговорив лишь глазами, мы снова пошли вдоль полок. Справа послышались лёгкие шаги и, едва я успел повернуться, как вплетаясь в тишину библиотеки, прозвучал мягкий голос:

– Заблудились, студенты? – шаблон разорван. На меня смотрели фиалковые глаза, полные алых искр. Аккуратный овал загорелого лица, казалось, не может вместить эти огромные фиолетовые пространства зрачков, тонкие губы, аккуратный нос, украшенный с правой сто-

роны родимым пятном, чёрные брови, стремящиеся к переносице. – Или что-то конкретное ищите?

– Мы... – слова застряли в горле комом, язык чужеродным куском плоти валялся во рту и не хотел шевелиться. Она явно была недовольна моим ответом.

– Мы за книгами зашли, – пришёл на помощь вынырнувший из-за стеллажа Чезаро, – столько всего задали, надо штудировать.

– Идёмте, потеряшки, – расслабилась королева страниц, махнув нам рукой, – оформим ваши пыточные документы.

– Пыточные?.. – невольно переспросил я.

– Для каждого студента чтение – это пытка, тем более книги тут далеки от совершенства, а по тяжести изложения и нудности повествования могут побить любые рекорды, – она оперлась руками на стол, выискала глазами ящичек с формулярами, вытянула две карточки и протянула нам вместе с перьями. – Заполняйте, а я расскажу вам правила пока. Меня зовут Шиенна Далейн, я – смотритель библиотеки, её хранитель и содержатель уже на протяжении ста восьмидесяти трех лет, – моё перо вдруг пустилось в пляс по бумаге, едва получилось удержать его ослабевшими пальцами, новость о возрасте девушки, которая выглядела моей ровесницей, стала потрясением, – потому я знаю большую часть книг «в лицо» и примерно треть по содержанию. Ко мне можно обращаться для уточнения материала, это совершенно не возбраняется. А вот за несвоевременную сдачу книг я вправе наложить любое вето, выдумать любое наказание вплоть до смертной казни. Но такого пока не было. Испортить местные экземпляры невозможно – они все до единого магические, неизменяемые и неуничтожимые. Украсть их тоже нереально, если книга покинет башню – сработает древнее проклятье, его последствия даже я не могу предсказать. Такая магия – как вино, чем дольше лежит, тем крепче становится. На моей памяти срабатывание проклятия произошло лишь раз, этот ученик до сих пор обитает в окрестностях башни в виде мерцающего болотного огонька. Проклятье сняло с него телесные покровы, вынуло душу и оставило её болтаться в мире живых.

– Сняло покровы? – на этот раз не выдержал Чезаро.

– Да, с парня медленно слезала кожа, выпадали волосы и зубы, отслаивались мышцы, – дружелюбным тоном пояснила Шиенна, – всё это происходило в течение двух дней. Он был в сознании.

– Страшная штука, – поёжился маг, старательно подтирая чернильную кляксу.

– Да, Випфел был мастером на выдумки ужасных казней, – подтвердила библиотекарь, заставив меня напрячься. Випфел, я слышал это имя. Точно, в чёртовом хранилище рук! Стало страшно. – Заполнили? Теперь прочтите последнюю строчку на карточке с обратной стороны – это согласие с обязательным магическим контрактом. И всё, пойдём искать нужную литературу.

Чтение заклинания, состоящего из непонятных букв-закорючек, оказалось задачей довольно простой, видимо магунский язык встраивался в мозг, чего нельзя было сказать о местной истории, мифологии и правилах поведения, а жаль. После того, как клятва была дана, на формулярах появилась алая печать, чем-то напоминающая дракона, кусающего себя за хвост.

Покончив с формальностями, мы принялись искать нужные книги. Шиена ловко взбиралась по приставной лестнице на полки, снимала для нас тома, я поражался такой прыти и лёгкости в её-то годы.

Наконец всё необходимое было собрано, у нас с Чезом оттягивало руки, а парочка книг и вовсе была в одном экземпляре во всей библиотеке. Не удержавшись, я злорадно усмехнулся, услышав эту новость, в красках представились лица Митридель и Диса. Библиотекарь удалась, о чём я втайне пожалел, мы с Чезом остались вдвоём, распределяя вес книг так, чтобы

было удобнее нести. Оглядевшись, молодой маг присел за стол, и я неосознанно скопировал его движение.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.